
Кен Фоллетт – это переводы на все ведущие языки мира и
130 миллионов экземпляров книг, которые читает весь мир!

КЕН ФОЛЛЕТТ

СКАНДАЛ С МОДИЛЬЯНИ

ДЕТЕКТИВ
EXCLUSIVE

Детектив-exclusive

Кен Фоллетт

Скандал с Модильяни

«АСТ»

1976

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Фоллетт К.

Скандал с Модильяни / К. Фоллетт — «АСТ»,
1976 — (Детектив-exclusive)

ISBN 978-5-17-108323-6

«Скандал с Модильяни» — это детектив, в котором, как замечает автор, «разнообразные персонажи, в основном молодые люди, совершают проделки, ни одна из которых не приводит к предсказуемому итогу. Критики хвалили его, называя сюжет живым, энергичным, легким, ясным, занимательным, легким (еще раз) и захватывающим».

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-108323-6

© Фоллетт К., 1976
© АСТ, 1976

Содержание

Предисловие автора	6
Часть первая	7
Глава первая	8
Глава вторая	15
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Глава пятая	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Фоллетт Кен

Скандал с Модильяни

Ken Follett

THE MODIGLIANI SCANDAL

Originally published in English by Pan Macmillan.

Печатается с разрешения автора.

© Ken Follett, 1976

© Перевод. И. Л. Моничев, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

Предисловие автора

В современном остросюжетном романе герой, как правило, спасает мир. В традиционных приключенческих историях все куда скромнее: основной персонаж спасает собственную жизнь и, возможно, жизнь верного друга или отважной девушки. В еще менее сенсационных произведениях – незамысловатых, но добротнo написанных повествованиях, которые составляли основу читательской диеты более чем столетие, – ставки могут быть даже ниже, хотя все равно только собственные усилия героя, его борьба, его решения самым драматическим образом определяют в итоге судьбу этого человека.

Я же никогда не верил, что подлинная жизнь устроена именно так. В реальности совершенно неподконтрольные обстоятельства определяют, жить нам или умереть, станем мы счастливей или несчастнее, приобретем богатство или ввергнемся в нищету. Простые примеры: большинство состоятельных людей попросту унаследовали большие деньги. Большинству из тех, кто хорошо питается, всего лишь повезло родиться в развитой стране. Большинство счастливых воспитывались в любящих семьях, а большинству горемык достались не вполне нормальные родители.

При этом я не отношусь к числу фаталистов, не верю, что все в жизни зависит от слепого случая. Мы не контролируем свои судьбы, как шахматист по собственной воле передвигает фигуры на доске, но жизнь и не игра в рулетку. Реальность сложнее. Механизмы, управление которыми для нас недостижимо – а зачастую и непостижимо, – руководят судьбой личности, хотя и наши решения, конечно же, имеют последствия, пусть не всегда именно те, каких мы ожидали.

Создавая «Скандал с Модильяни», я предпринял попытку написать новый тип романа, где сумел бы отразить нюансы подчинения индивидуальной свободы более мощным процессам. Этот амбициозный проект мне не удался. Вероятно, такой роман и не может быть написан: если Жизнь не зависит от личного выбора, то, по всей видимости, Литература зависит от него.

В итоге из-под моего пера вышел вполне жизнерадостный детектив, где разнообразные персонажи, в основном молодые люди, совершают проделки, ни одна из которых не приводит к предсказуемому итогу. Критики хвалили его, называя сюжет живым, энергичным, легким, ясным, занимательным, легким (еще раз), захватывающим. Меня разочаровало, что они не заметили изначальную серьезность моих намерений.

Но я больше не считаю книгу своей неудачей. Она захватывающе легка, но это не делает ее хуже. А тот факт, что она настолько отличается от задуманного мной произведения, не должен удивлять меня. В конце концов, он лишь доказывает правоту моей точки зрения.

Кен Фоллетт, 1985 г.

Часть первая

Грунтовка холста

*На искусстве не женятся. Им овладевают насильно.
Эдгар Дега, художник-импрессионист*

Глава первая

Пекарь провел по черным усам покрытым слоем муки пальцем, сделав их седыми, и невзначай внешне состарил себя лет на десять. Полки и стеллажи вокруг него были заняты удлиненными батонами свежего хрустящего хлеба, наполняя ноздри знакомым запахом, а грудь – тихой гордостью и удовлетворением. Этим утром он выпек уже вторую партию. Дела шли бойко, поскольку держалась хорошая погода. Немного солнца, и ты всегда можешь рассчитывать, что оно выманит парижских домохозяек из своих гнездышек на улицы города для покупки добротного испеченного хлеба.

Он посмотрел через витрину булочной, прищурив глаза от яркого света, бывшего в стекло. Улицу пересекала хорошенькая девушка. Хозяин прислушался и уловил звук голоса жены в задней части дома, на повышенных тонах спорившей с их наемным работником. Ссора продлится несколько минут, так получалось всегда. Удостоверившись в безопасности, булочник позволил себе похотливо рассмотреть девушку.

На ней было легкое летнее платье без рукавов. По мнению пекаря, оно выглядело дорогим, хотя он не считал себя докой по этой части. Нижняя кромка расклепанного подола грациозно покачивалась выше коленей, подчеркивая стройность ее ничем не прикрытых ножек, обещающая мимолетный взгляд на соблазнительное женское нижнее белье, но никогда не позволяя надеждам сбыться.

Слишком худошавая, решил булочник, когда она приблизилась. И груди маловаты – они даже не подпрыгивали в такт ее широким и уверенным шагам. Двадцать лет совместной жизни с Жанной-Мари не отбили у хозяина булочной пристрастия к пышным, пусть и чуть обвисшим формам.

Девушка вошла в магазин, и булочник разглядел теперь, что она далеко не красавица. Лицо чересчур удлиненное и тонкое, ротик маленький и лишенный пикантности, со слегка выступающими вперед верхними зубами. У нее были русые волосы, немного выгоревшие на солнце.

Она выбрала на полке батон, проверила хруст корочки чуткими пальцами и удовлетворенно кивнула. Не красotka, но определенно вызывает вожделение, подумал пекарь.

Ее кожа казалась мягкой и нежной. Но именно манера держать себя приковывала внимание мужчин, заставляла оборачиваться вслед. Уверенная и хладнокровная, она сообщала миру: эта девушка делает только то, чего хочет сама, и ничего другого. Хозяин булочной сказал себе, что не стоит искать другого определения. Девушка была сексуально привлекательна. Вот это в самую точку.

Он поиграл плечами, чтобы освободить рубашку, прилипшую к пропотевшей спине.

– Тепло сегодня, не правда ли? – произнес он.

Девушка достала из кошелька монеты и заплатила за хлеб. В ответ на его реплику улыбнулась и вдруг оказалась *действительно красивой*.

– Солнце! Обожаю его, – сказала она, защелкнула кошелек и открыла дверь. – Спасибо! – бросила через плечо, выходя на улицу.

В ее французском языке звучал чуть заметный иностранный акцент. Английский, как показалось булочнику. Но, возможно, он только вообразил себе это, глядя на цвет ее лица. Он продолжал смотреть на ее попку, когда она снова пересекала улицу, замороженный движениями ягодиц, заметными даже под хлопком платья. Она, должно быть, возвращалась в квартиру какого-нибудь молодого патлатого музыканта, продолжавшего валяться в постели после бурно проведенной ночи.

Пронзительный голос Жанны-Мари раздался ближе, разбив вдребезги все фантазии мужа. Тот тяжело вздохнул и бросил полученные от девушки монеты в одно из отделений кассового аппарата.

Ди Слейн улыбалась, удаляясь от булочной по тротуару. Легенды подтверждались: французские мужчины чувственнее англичан. Взгляд пекаря почти не скрывал сладострастия, а затем глаза оценивающе впились ей пониже спины. Английский булочник лишь мельком бы посмотрел из-за стекол очков на ее грудь.

Она чуть откинула голову назад, убрав пряди волос за уши, чтобы позволить горячим солнечным лучам беспрепятственно падать на лицо. Все чудесно! Эта жизнь, это парижское лето. Никакой учебы, никаких экзаменов, никаких сочинений, никаких лекций.

Спать с Майком, поздно просыпаться, проводить дни за книгами, которые давно хотела прочитать, или среди картин, особенно ей нравившихся, а вечером встречаться с интересными, эксцентричными людьми.

Скоро все должно кончиться. Еще немного, и ей предстояло принять решение, что делать со своей будущей жизнью. А пока она находилась в состоянии неопределенности, просто наслаждалась жизнью по своему вкусу, не имея перед собой четкой цели, которая бы диктовала, как ей следует проводить каждую минуту.

Она свернула за угол и вошла в небольшой, непритязательный с виду многоквартирный жилой дом. Когда она миновала кабинку с крохотным окошком, оттуда донесся тонкий голосок консьержки:

– Мадемуазель!

Седовласая женщина отчетливо делила свое обращение по слогам, ухитряясь придать ему чуть обвинительный оттенок, как бы подчеркивая тот скандальный факт, что Ди не состоит в браке с мужчиной, снимающим здесь квартиру. Ди снова улыбнулась. Парижский роман не был бы совершенен без фигуры не одобряющей его консьержки.

– Телеграмма, – сказала женщина.

Она положила конверт на полку под окошком и пропала в полумраке своей пропахшей кошками конуры, словно торопилась отстраниться целиком и полностью от аморальных юных девиц и получаемых ими телеграмм.

Ди схватила конверт и взбежала по ступенькам лестницы. Послание было адресовано ей, и она заранее знала его содержание.

Ди вошла в квартиру, где положила батон и телеграмму на стол в тесноватой кухне. Засыпала зерна в кофемолку и включила ее нажатием кнопки. Машина шумно заскрежетала, превращая в порошок коричнево-черные зерна.

Словно в ответ, донесся чуть завывающий звук электробритвы Майка. Порой только многообещающим запахом кофе и можно было выманить его из постели. Ди заварила полный кофейник и нарезала свежий хлеб.

Квартира Майка была малогабаритной и обставленной старой мебелью в неопределенном стиле. Если бы ему хотелось чего-то более просторного, он смог бы, несомненно, это себе позволить. Но Ди настояла, чтобы они держались подальше от отелей и фешенебельных кварталов. Ей хотелось провести лето среди французов, а не в окружении космополитической толпы вечных скитальцев на реактивных самолетах, и она добила своего.

Жужжание бритвы оборвалось, и Ди налила кофе в две чашки.

Майк вошел в тот момент, когда она ставила чашки на круглый деревянный столик. На нем были полинявшие, все в заплатках джинсы «ливайз», а верхняя пуговица синей хлопчатобумажной рубашки была расстегнута, обнажая полоску черных волос на груди и медальон на короткой серебряной цепочке.

– Доброе утро, милая, – сказал он, обогнул стол и поцеловал ее. Она обняла его, прижавшись, и страстно ответила на поцелуй. – Ничего себе! Это было сильно для столь раннего часа, – заметил он, расплывшись в широкой калифорнийской улыбке, и сел.

Ди смотрела на мужчину, благодарно потягивавшего сваренный ею кофе, и раздумывала, хотела бы она провести с ним всю свою жизнь или нет. Их связь длилась уже год, и она начала постепенно привыкать к нему. Ей нравились его цинизм, его чувство юмора, его лихой, с намеком на пиратский, стиль поведения. Их обоих интересовало искусство, и интерес доходил почти до одержимости, хотя его больше увлекала возможность делать на этом деньги, в то время как ее поглощали сложности и детали процесса творчества. Они возбуждали друг друга – в постели и вне ее, став прекрасной парой.

Он поднялся, налил еще кофе и раскурил сигареты для них обоих.

– Ты необычно тиха, – сказал он своим басовитым голосом с американским прононсом. – Постоянно думаешь о своих результатах? Пора бы им уже прислать их тебе.

– Они как раз пришли сегодня, – ответила она. – Я лишь оттягивала момент вскрытия телеграммы.

– Что? Так зачем медлить? Давай же, мне не терпится узнать о твоих успехах.

– Хорошо. – Она взяла конверт и снова уселась, потом развернула единственный листок тонкой бумаги, просмотрела и подняла взгляд на Майка, широко улыбнувшись.

– Боже мой, я получила круглые пятерки, – сказала она.

Он в волнении вскочил на ноги.

– Ур-ра! – вскричал он с восторгом. – Я так и знал! Ты – гениальна! – И он начал подвывать мелодию, быстро имитируя танец в стиле кантри с Дикого Запада, с воплями «Йя-ху-у!», с подражанием звукам стальных струн гитары, кружась по кухне с воображаемой партнершей.

Ди не могла сдерживать смеха.

– Ты самый юный и легкомысленный тридцатидевятилетний мужчина, какого я только встречала в жизни, – выдохнула она.

Майк поклонился в ответ на воображаемые аплодисменты и сел за стол.

– Итак? – спросил он. – Что сие означает? Я имею в виду для твоего будущего?

Ди снова стала очень серьезной.

– Это значит, что пора браться за докторскую по философии.

– Как, еще одна ученая степень? Ты ведь уже бакалавр истории искусств и в придачу имеешь диплом знатока живописи. Не пора ли перестать быть профессиональной студенткой?

– А зачем? Учеба приносит мне удовольствие, и если они готовы оплачивать мне занятия до конца жизни, то почему бы не воспользоваться возможностью?

– Но тебе платят совсем немного.

– Что верно, то верно. – Ди выглядела задумчивой. – А мне, конечно, хотелось бы на чем-то сделать себе солидное состояние. Но у меня впереди очень много времени. Я всего-то двадцати пяти лет от роду.

Майк потянулся через стол и взялся за ее руку.

– Почему бы тебе не поработать на меня? Я стану платить тебе большие деньги – те, которых ты действительно стоишь.

Она помотала головой.

– Не хочу въехать в рай на твоих плечах. Мне надо всего добиться самой.

– А по-моему, ты кое-где с удовольствием на мне катаешься, – ухмыльнулся он.

Она бросила на него притворно косой взгляд, но потом согласилась.

– Я это дело еще как люблю! – сказала она, подражая его акценту, однако сразу же отняла руку. – Но все же я напишу диссертацию. А если она удостоится публикации, срублю на этом приличных денег.

– На какую тему?

– Ну, у меня есть пара идей. Наиболее многообещающе выглядит тема взаимосвязи творчества и наркотиков.

– Отличная дань современной моде!

– И тем не менее оригинальная. Думаю, удастся показать, что злоупотребление дурманом полезно для искусства, но губительно для художников.

– Превосходный парадокс. Где начнешь работу?

– Здесь. В Париже. Местное артистическое сообщество начало курить травку еще в первые два десятилетия XX века. Только называли они ее гашишем.

Майк кивнул.

– Не откажешься от небольшой помощи с моей стороны, чтобы было от чего оттолкнуться?

Ди потянулась к пачке сигарет и достала себе одну.

– Конечно, не откажусь, – сказала она.

Он дал ей прикурить от своей зажигалки.

– Есть один старик, с которым тебе просто необходимо пообщаться. Он дружил с добрым десятком выдающихся мастеров, живших здесь еще перед Первой мировой войной. Пару раз он наводил меня на след очень хороших картин. От его деятельности тогда слегка разило криминалом. Он, например, поставлял проституток в качестве натурщиц – хотя и для других услуг тоже, – молодым живописцам. Теперь сильно одряхлел. Ему, вероятно, уже за девяносто. Но память его не подводит.

В крошечной гостиной, одновременно служившей спальней, стоял не слишком приятный запах. Вонь из расположенной на первом этаже рыбной лавки проникала повсюду, сочась сквозь ничем не покрытые доски пола, впитываясь в побитую старую мебель, в простыни односпальной кровати в углу, в выцветшие портьеры на единственном небольшом окне. И дым трубки старика не перебивал рыбных запахов, но лишь подчеркивал унылую атмосферу комнаты, где слишком редко делали уборку.

Зато по стенам висели полотна постимпрессионистов, стоившие целого состояния.

– Все это подношения от самих художников, – небрежно пояснил старик. Ди пришлось напрягаться, чтобы понимать его тяжелый парижский диалект. – Им вечно не хватало денег, чтобы заплатить долги. И я охотно брал картины, зная, что наличных у них не будет никогда. Но в то время я еще не любил всю эту живопись. Только теперь, понимая, почему они писали именно так, мне стали нравиться их работы. К тому же каждая пробуждает воспоминания.

Этот человек был уже совершенно лыс, а кожа на лице побледнела и обвисла. Низкорослый, он передвигался с трудом, но его маленькие черные глазки порой вспыхивали искренним энтузиазмом. Ему придало сил общение с этой миленькой англичанкой, хорошо говорившей по-французски, а улыбавшейся ему так, словно он снова был молод и хорош собой.

– Вас не слишком часто беспокоят желающие приобрести ваши холсты? – спросила Ди.

– Больше не беспокоят вообще. Но я сам одалживаю картины на время за определенную плату. – В его глазах промелькнули плутовские искры. – Так я могу покупать необходимый мне табачок, – добавил он, воздевая трубку вверх, как бокал, чтобы произнести тост.

Только после этой реплики Ди поняла, какой запах ощущался наряду с обычным табачным: хозяин курил смесь с марихуаной. Она кивнула с видом знатока вопроса.

– Не желаете попробовать? У меня есть все для этого, – предложил он.

– Спасибо, не откажусь.

Он передал ей жестянку с табаком, лист сигаретной бумаги и небольшой кубик смолы. Ди принялась скручивать для себя косячок.

– Ох уж эти молодые девушки! – умиленно произнес старик. – На самом деле наркотики для вас вредны, конечно же. Не надо бы мне соблазнять неискушенных. Сам я курил это всю сознательную жизнь, и мне уже поздно что-то менять.

– И тем не менее вам наркотики не помешали прожить долго, – заметила Ди.

– Ваша правда. Мне в этом году стукнет восемьдесят девять, если не ошибаюсь. И семьдесят лет я курил свой особый табачок каждый божий день, если исключить срок в тюрьме, разумеется.

Ди облизала край пропитавшейся смолой бумаги и закончила трудиться над самокруткой. Прикурила от маленькой позолоченной зажигалки, вдохнула дым.

– Художники употребляли тогда гашиш в больших количествах? – спросила она.

– О, да. Я сколотил на нем огромные деньги. Некоторые тратили на него все до последнего гроша. Дедо¹ страдал от этого больше всех, – добавил он с отстраненной улыбкой и бросил взгляд на карандашный набросок на стене, с виду поспешно выполненную зарисовку женской головки – овал лица и удлиненный тонкий нос.

Ди разглядела подпись под скетчем.

– Модильяни?

– Да. – Глаза старика видели сейчас только прошлое, и разговаривал он будто бы с самим собой. – Он всегда носил коричневый вельветовый пиджак и большую фетровую шляпу с обвисшими полями. Любил говаривать, что искусство должно оказывать на людей воздействие, подобное гашишу: открывать им красоту, ту красоту, которую они обычно не умеют разглядеть. А еще он много пил, чтобы видеть уродливость вещей. Но любил он только гашиш. Грустно было слышать его размышления на эту тему. Насколько я знаю, его воспитывали в строгости. Кроме того, он отличался хрупким здоровьем, и его тревожило употребление наркотиков. Тревожило, но не мешало ими пользоваться до самозабвения.

Старик улыбнулся и закивал, словно хотел показать, что согласен с подсказанной памятью.

– Жил он тогда на Импасс Фальгьер. Был так беден, что довел себя до полного истощения. Помню, он однажды забрел в египетские залы Лувра и вернулся, заявив, что больше во всем музее и смотреть не на что! – Старик весело рассмеялся. – Хотя всегда был преисполнен меланхолии, – добавил он уже снова серьезным тоном. – Вечно носил с собой в кармане томик «Песен Мальдорора» и мог наизусть цитировать множество других стихов французских поэтов. Конец жизни Модильяни пришелся на расцвет кубизма. Возможно, именно кубизм и доконал его.

Ди заговорила тихо и мягко, чтобы направить ход мыслей старика в нужное русло, не нарушая плавности их течения.

– Дедо когда-нибудь творил, будучи под кайфом?

Ее собеседник чуть слышно рассмеялся.

– О, да, – ответил он. – Под воздействием наркотиков он работал очень быстро, непрерывно выкрикивая, что это станет его шедевром, его самым великим произведением, и теперь весь Париж увидит, какой должна быть настоящая живопись. Он выбирал ярчайшие из красок, буквально швыряя их на холст. Друзья внушали ему, что так работать бессмысленно, бесполезно, ужасно, а он тогда посылал их к дьяволу: они казались ему слишком невежественными для понимания, как именно создается искусство двадцатого столетия. Позже, придя в себя и успокоившись, он с ними соглашался, забрасывая полотно в угол. – Старик посасывал мундштук трубки, заметил, что она погасла, и потянулся за спичками. Чары были разрушены.

¹ Дедо – так звали Амедео Модильяни с детства. Сначала в кругу семьи, а потом и друзья. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Ди склонилась вперед на жестком стуле с высокой спинкой, забыв о косяке у себя между пальцами. В ее голосе слышалось с трудом сдерживаемое возбуждение.

– И куда же делись все эти холсты? – спросила она.

Старик вновь прикурил трубку и уселся поудобнее, ритмично втягивая дым и выдыхая его. И это регулярное всасывание и шумный выдох, всасывание и снова шумный выдох постепенно вернули его в мир грез о прошлом.

– Бедняга Дедо, – сказал он. – Ему нечем стало платить за квартиру. Некуда было податься. Домовладелец дал ему двадцать четыре часа, чтобы освободить помещение. Дедо пытался продавать картины, но те немногие, кто понимал тогда, насколько они хороши, имели чуть ли не меньше денег, чем он. Ему пришлось перебраться к другому художнику. Не помню, к кому именно, но там едва хватало места для самого Дедо, не то что для его произведений. Те картины, которые все же ему нравились, он отдал на хранение близким друзьям. А остальное... – Старик захрипел, словно воспоминание вызвало приступ боли. – Как сейчас вижу: он бросает их в тачку и толкает ее вниз по улице. Находит пустырь, сваливает в центре и поджигает. «А что еще мне остается с ними делать?» – только и твердил он. Я, наверное, мог бы ссудить его деньгами, но он уже был всем должен большие суммы. Однако когда я увидел, как горят его картины, то пожалел, что не вмешался вовремя. Видите ли, я никогда не был святым. Ни в молодости, ни тем более в старости.

– И все полотна, созданные под воздействием гашиша, сгорели в том костре? – Голос Ди перешел почти в шепот.

– Да, – ответил старик. – Практически все.

– Практически? То есть что-то он пощадил?

– Нет, сам он не пощадил ничего. Но кое-что раздал разным людям. Я уже и забыл кому, но разговор с вами возродил воспоминания. Был вот один священник в его родном городе, который коллекционировал восточные ковры. Не помню, в чем заключалась причина его интереса. То ли из-за их целебных свойств, то ли он считал их предметами высокой духовности. Что-то в этом роде. На исповеди Дедо признался ему в пагубных пристрастиях и получил отпущение грехов. А потом святой отец захотел увидеть, что у него получалось под воздействием гашиша. Дедо послал ему картину, но только одну, насколько я помню.

Самокрутка обожгла Ди пальцы, и она бросила ее в пепельницу. Старик вновь раскурил погасшую трубку, а Ди поднялась.

– Спасибо вам за согласие побеседовать со мной, – сказала она.

– М-м-м... – Сознание этого человек еще не до конца вернулось из прошлого. – Надеюсь, наш разговор поможет вам в работе над диссертацией.

– Разумеется, поможет, – отозвалась Ди. Затем под воздействием секундного порыва она склонилась над креслом хозяина и поцеловала его в лысую макушку. – Вы были очень добры. Его тусклые глаза снова живо блеснули.

– Много воды утекло с тех пор, как хорошенькая девушка в последний раз поцеловала меня.

– Из всего, что вы мне сказали, только это кажется мне неправдоподобным. – Она еще раз улыбнулась и вышла из двери его квартиры.

Оказавшись на улице, она с трудом сдерживала радость. Какой прорыв! А ведь семестр даже еще не начался! Она сгорала от желания с кем-то поделиться всем услышанным. Но сразу вспомнила – Майка нет: он на пару дней улетел по делам в Лондон. Кому еще можно обо всем рассказать?

Ди зашла в кафе и чисто импульсивно купила почтовую открытку. Потом с бокалом вина села за столик, чтобы написать текст. На лицевой стороне открытки было изображено само кафе и вид улицы, на которой оно располагалось.

Потягивая свое *vin ordinaire*, она раздумывала, кому бы отправить весточку. Нужно же сообщить новости о результатах экзаменов и членам семьи. Мама, конечно, обрадуется в своей обычной сдержанной манере, потому что втайне всегда мечтала, чтобы дочь стала членом вымирающего светского общества, танцевала на балах и училась гарцевать, демонстрируя выездку лошади. Но она не в силах по-настоящему оценить блестяще пройденного испытания экзаменами. А кто же сможет?

Потом до нее дошло, кто больше остальных будет искренне рад за нее.

И написала:

«Дорогой дядя Чарльз!

Хочешь верь, хочешь – нет, но я получила отличные оценки на экзаменах!!! Но что еще более невероятно, мне удалось напасть на след пропавшего Модильяни!!!

С любовью,

Д.»

Купила марку, наклеила на открытку и опустила ее в почтовый ящик на обратном пути в опустевшую на время квартиру Майка.

Глава вторая

Жизнь лишилась остатков былого блеска, размышлял Чарльз Лампет, расслабленно сидя в кресле столовой, изготовленном в стиле королевы Анны. К примеру, вот это место, дом его друга, видел когда-то приемы и балы, какие можно в наши дни увидеть только в высокобюджетных исторических кинофильмах. По меньшей мере два премьер-министра ужинали в этой самой комнате с длинным дубовым столом, где стены в тон ему отделаны такими же деревянными панелями. Но и комната, и особняк, как и их владелец лорд Кардуэлл, принадлежали к исчезнувшему миру.

Лампет выбрал сигару из коробки, протянутой ему дворецким, и позволил слуге дать ему огня, чтобы раскурить ее. Глоток замечательного выдержанного бренди дополнил ощущение довольства. Еда была великолепна, жены двух мужчин по старой традиции сразу же удалились из-за стола, и теперь ничто не мешает их беседе. Дворецкий поднес зажигалку к сигаре Кардуэлла и выскользнул из комнаты. Мужчины некоторое время с удовлетворенным видом пускали струйки дыма. Они дружили так давно, что затянувшееся молчание никак не могло служить для них источником какой-либо неловкости. Затем Кардуэлл нарушил тишину.

– Как дела на художественном рынке? – поинтересовался он.

Лампет с самоуверенной улыбкой ответил:

– Бум продолжается, как происходит уже много лет.

– Никогда не понимал экономических механизмов этого, – заметил Кардуэлл. – Почему твой бизнес настолько процветает?

– Как ты сам понимаешь, здесь все довольно-таки сложно, – сказал Лампет. – Мне представляется, что начало положили американцы, внезапно осознавшие достоинства произведений искусства незадолго до Второй мировой войны. А затем сработала старая схема «спрос рождает предложение», и цены на работы мастеров прошлого взлетели до небес. Но уже скоро мастеров прошлого стало не хватать, и эти люди обратились к нынешнему столетию.

– Где ты и нашел свою нишу, – перебил его Кардуэлл.

Лампет кивнул, но скорее в знак оценки высокого качества поданного бренди.

– Когда после окончания войны я открыл свой первый салон, приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы продать вещь, написанную после 1900 года. Но мы проявили упорство. Поначалу заинтересовались лишь некоторые, цены постепенно росли, а затем хлынул поток покупателей. Именно тогда импрессионисты стали пользоваться неслыханной популярностью.

– И очень многие хорошо нагрели на их приобретении руки, – прокомментировал Кардуэлл.

– Не столь уж многие, как тебе представляется, – возразил Лампет. Он чуть ослабил узел галстука-бабочки под двойным подбородком. – Это подобно покупке акций или ставкам на бегах. Поставь на фаворита, и обнаружишь, что все остальные поступили так же, а потому призовые не столь уж высоки. Если хочешь приобрести акции из числа «голубых фишек», приходится дорого платить за них, и потому твой выигрыш при последующей продаже окажется минимален.

Он сделал паузу.

– Это же относится к произведениям живописи. Купи Веласкеса, и тебе наверняка удастся заработать на нем. Но придется вложить так много, что нужно будет выждать несколько лет, чтобы доход составил пятьдесят процентов. Единственные люди, кто действительно сделал себе состояние, – это те, кто просто покупал картины, которые им нравились, и лишь позже открыли, что обладают хорошим вкусом, когда стоимость их коллекций резко взлетела к звездам подобно ракете. То есть такие люди, как ты сам.

Кардуэлл кивнул, и несколько прядей его седых волос шевельнулись. Он дотронулся до кончика своего длинного носа.

– Сколько, по-твоему, сейчас стоит мое собрание?

– Боже! – Лампет даже нахмурился, сдвинув черные брови над переносицей. – Прежде всего это зависит от того, каким образом ее продавать. А во-вторых, для точной оценки понадобится неделя работы эксперта.

– Меня устроит и приблизительная оценка. Ты же знаешь мои картины – большинство из них приобрел для меня ты.

– Верно, – Лампет вызвал в памяти образы двадцати или тридцати полотен, вывешенных в этом особняке, и мысленно оценил каждую. Затем, закрыв глаза, произвел в уме простое сложение сумм. – Никак не меньше миллиона фунтов, – подвел он итог вычислениям.

Кардуэлл снова кивнул.

– Результат моих собственных подсчетов оказался таким же, – сказал он. – Чарли, мне как раз необходим миллион фунтов.

– Господи всемогущий! – Лампет от удивления выпрямился в кресле. – Неужели ты собираешься продать коллекцию?

– Боюсь, это стало необходимостью, – с грустью ответил Кардуэлл. – Я надеялся передать ее в дар нации, но реальности деловой жизни определяют все. Моя компания непомерно разрослась, бюджет не выдерживает. Необходимо значительное вливание капитала в течение ближайших двенадцати месяцев, или мы пойдем ко дну. Ты же знаешь, я уже несколько лет подряд распродал небольшие участки имения, чтобы удержаться на поверхности.

Он поднес к губам округлый бокал с бренди и отпил из него.

– Молодые наездники наконец поравнялись со мной, – продолжал он. – Новые метлы по новому метут в мире финансов. Наши методы работы устарели. И я покину бизнес, как только компания станет достаточно надежной для передачи в другие руки. Пусть молодые и лихие всадники мчатся дальше.

Нотки усталого отчаяния в голосе друга даже слегка рассердили Лампета.

– Молодые всадники! – презрительно воскликнул он. – Их время еще придет, но не сейчас.

Кардуэлл тихо рассмеялся.

– Не горячись, Чарли. Мой отец пришел в ужас, когда я объявил о своем намерении заниматься бизнесом в Сити. Помню, как он сказал: «Но ведь ты же унаследуешь титул!», словно это само по себе исключало для меня всякую возможность делать большие деньги самостоятельно. А ты сам? Как отреагировал твой отец на открытие тобой первой художественной галереи?

Лампет признал его правоту, невольно улыбнувшись.

– Он посчитал это никчемным занятием для потомственного воина.

– Видишь, мир всегда принадлежал юным и смелым всадникам с отточенными клинками. А потому продай мои картины, Чарли.

– Но коллекцию придется раздробить на части, чтобы выручить как можно больше.

– Тебе виднее. Ты – специалист. А для меня нет смысла проявлять по этому поводу излишнюю сентиментальность.

– И все же некоторые полотна нужно пока сохранить, чтобы устроить сначала выставку. Давай прикинем: Ренуар, два Дега, несколько холстов Писарро, три Модильяни... Мне придется поломать над этим голову. Сезанн, разумеется, пойдет только с аукциона.

Кардуэлл поднялся, показав весь свой могучий рост, на дюйм или два превышающий шесть футов.

– Что ж, не станем слишком долго оплакивать покойников. Не присоединиться ли нам к нашим леди?

Художественная галерея «Белгравия» обстановкой напоминала провинциальный музей, но достаточно высокого класса. Тишина здесь ощущалась почти физически, когда Лампет в черных туфлях с лакированными носами бесшумно пересек помещение по простому оливково-зеленому ковровому покрытию. В десять часов утра галерея только что открылась, и клиентов пока не было. Тем не менее сразу три его помощника, одетые в черные с полоской костюмы, ждали покупателей в приемной, готовые к услугам.

Лампет кивком поздоровался с ними и прошел через расположенный на первом этаже главный салон, наметанным глазом окидывая по пути картины на стенах. Кто-то совершенно неуместно вывесил произведение современного абстракциониста рядом с работой старого примитивиста, и Лампет сделал зарубку в памяти, чтобы распорядиться навести здесь порядок. Экспонаты не имели ценников, что делалось вполне сознательно. Люди должны сразу почувствовать: любые разговоры о таких низменных материях, как деньги, будут встречены с неодобрением этими элегантно одетыми продавцами. Чтобы не уронить высокой самооценки, клиенту приходилось убеждать себя в собственной принадлежности к этому же миру, где деньги становились всего лишь деталью, столь же незначительной, как позже дата на выписанном ими чеке. И тогда они готовы были потратить больше. Чарльз Лампет был прежде всего деловым человеком и только потом – любителем искусства.

Он поднялся по широкой лестнице на второй этаж, обратив внимание на свое отражение в стекле под рамкой из багета. Галстук был аккуратно завязан в небольшой узел, воротничок сорочки накрахмален до хруста, костюм от лучшего портного с Сэвил-роу сидел безукоризненно. Жаль, он набрал столько лишнего веса, но все равно для своего возраста смотрелся вполне привлекательно. Чарльз инстинктивно расправил плечи.

А потом сделал еще одну отметку в памяти: эту раму следовало снабдить небликующим стеклом. Оно прикрывало рисунок тушью, и тот, кто его так оформил, совершил очевидную оплошность. Лампет вошел в свой кабинет, где подцепил зонт к крюку вешалки для верхней одежды. Затем встал у окна и посмотрел на Риджент-стрит, прикурив первую за день сигару. Наблюдая за потоком транспорта, он мысленно составил список дел, предстоявших ему с этого момента и до первой порции джина с тоником в пять часов вечера.

Лампет повернулся, когда в кабинет вошел его младший партнер Стивен Уиллоу.

– Доброе утро, Уиллоу, – сказал он и сел за свой рабочий стол.

– Доброе утро, Лампет, – отозвался Уиллоу.

Они держались привычки обращаться друг к другу по фамилиям, хотя работали вместе уже шесть или семь лет. Лампет в свое время привлек к бизнесу Уиллоу для расширения масштабов деятельности «Белгравии»: Уиллоу удалось создать собственный небольшой салон только лишь на поддержке контактов с группой молодых художников, каждый из которых постепенно стал популярен. Как раз в тот момент Лампет стал замечать, что «Белгравия» не совсем поспевает за новыми тенденциями рынка, а Уиллоу сумел быстро найти способ угнаться за новомодными веяниями. Их партнерство складывалось успешно, несмотря на разницу в возрасте, достигавшую десяти или пятнадцати лет. Уиллоу обладал схожими с Лампетом художественными вкусами и деловой хваткой.

Уиллоу положил на стол папку и отклонил предложенную ему сигару.

– Нам надо поговорить о Питере Ашере, – сказал он.

– Ах, да! С ним что-то не так, а я пока понятия не имею, в чем проблема.

– Мы взяли его под свое крыло, когда обанкротилась галерея «Шестьдесят девять», – начал Уиллоу. – У них он примерно год приносил прибыль. Один холст ушел за тысячу. Цены на большинство остальных превышали пятьсот фунтов. Но после перехода к нам продались только две его картины.

– Быть может, мы неверно оцениваем его вещи?

- В тех же пределах, в каких он оценивался, продаваясь через «Шестьдесят девять».
- Ты же знаешь, они способны на мелкие пакости, верно?
- Думаю, к ним они и прибегли. Подозрительно большое число его работ снова появилось на рынке вскоре после продажи.

Лампет кивнул. Шила в мешке не утаишь. Чуть ли не всему миру был уже известен трюк, использовавшийся некоторыми торговцами, покупавшими картины сами у себя, чтобы искусственно поднять спрос на молодого живописца.

Лампет продолжал:

– И потом, я остаюсь при своем прежнем мнении, что мы не самая подходящая галерея для Ашера. – Он заметил помрачневшее лицо партнера и добавил: – Я вовсе не критикую его, Уиллоу. В свое время он стал сенсацией. Но Ашер принадлежит к авангардистскому течению, и ему, быть может, не пошла на пользу связь со столь респектабельной галереей, как наша. Хотя это уже в прошлом. Я все еще считаю его замечательным молодым художником, для которого мы должны не пожалеть усилий.

Уиллоу передумал по поводу сигары и взял одну из коробки, стоявшей на инкрустированной поверхности стола Лампета.

– Да, я придерживаюсь такой же точки зрения. Обсудил с ним возможность персональной выставки. Он говорит, что наберет достаточно работ для нее.

– Хорошо. Тогда, вероятно, в Новом зале?

Помещение основной галереи было слишком велико, чтобы целиком отдавать его под экспозицию одного и к тому же еще ныне здравствующего современного живописца, а потому подобные персональные выставки устраивались в маленьких салонах или же в отдельной части здания на Риджент-стрит.

– Идеально.

Но Лампет не удержался от задумчивого замечания:

– И все же, не окажем ли мы ему гораздо большую услугу, позволив перейти к кому-то другому?

– Вероятно, но только подумайте, достойно ли это будет выглядеть со стороны? Как воспримет его уход художественная общественность?

– Здесь вы совершенно правы.

– Значит, я могу ему сказать, чтобы готовился?

– Нет, не сейчас. Не исключено, у нас в планах появится нечто более грандиозное. Вчера меня пригласил к ужину лорд Кардуэлл. Он хочет продать свою коллекцию.

– Бог ты мой, бедняга. Но для нас это сложнейшая работа.

– Вот именно, и проделать ее нужно крайне осторожно. Я все еще обдумываю вопрос со всех сторон. Так что давайте пока оставим вопрос с Ашером открытым на какое-то время.

Уиллоу искоса стал всматриваться в сторону окна. Знакомый Лампету признак, что партнер силится напрячь свою память.

– В собрании Кардуэлла есть два или три Модильяни, если не ошибаюсь? – спросил он после паузы.

– Да, есть.

Лампету не приходилось удивляться, что Уиллоу известно об этом: в силу профессиональных обязанностей торговец произведениями искусства обязан был знать, где именно находятся сотни и сотни картин, кто является их собственником и во что они оцениваются.

– Любопытно, – продолжал Уиллоу. – Вчера, когда вы уже уехали, я получил известия из Бонна. Там на рынке появилась коллекция набросков Модильяни.

– Что за наброски?

– Карандашные эскизы для скульптур. Они, конечно же, пока не выставлены в открытую продажу. Можем при желании приобрести.

– Отлично. Купим их в любом случае. Я предполагаю, что стоимость работ Модильяни обязательно будет еще расти. Какое-то время его недооценивали, знаете ли, поскольку он не вписывается четко ни в одно из направлений.

Уиллоу поднялся.

– Тогда я свяжусь со своим человеком в Германии и отдам распоряжение покупать. А если Ашер начнет приставать с вопросами, придется чуть охладить его пыл.

– Да. Но будьте максимально тактичны.

Уиллоу вышел, а Лампет подтянул к себе лоток с утренней корреспонденцией. Взялся сначала за конверт, предусмотрительно уже вскрытый для удобства, но потом его взгляд упал на лежавшую под ним открытку. Отложив конверт, он достал открытку из лотка. Посмотрел на лицевую сторону, узнав в изображении парижскую улицу. Потом перевернул и прочитал текст. Сначала он вызвал только улыбку: телеграфный стиль и лес из восклицательных знаков.

Но затем Лампет откинулся в кресле и задумался. Его племянница умела напускать на себя вид немного ветреной особы, но обладала острым умом и хладнокровной целеустремленностью. Она обычно говорила именно то, что имела в виду, пусть порой ее слова звучали старомодной болтовней «свободной женщины» в стиле 20-х годов.

Лампет оставил прочие письма в лотке, сунул открытку в карман, прихватил зонтик и вышел из галереи.

Все в этом агентстве было обустроено с крайней сдержанностью и осторожностью. Даже вход. Его расположение так тщательно продумали, что посетителя никто не смог бы разглядеть с улицы, когда он выходил из такси, расплачивался с шофером, а затем скрывался за дверью в боковой части колоннады над крыльцом.

Сотрудники, всегда готовые к услугам, в чем-то походили на продавцов из художественного салона, хотя и по совершенно иным причинам. Если бы их вынудили в точности сказать, чем конкретно занимается их агентство, они бы пробормотали: мы делаем определенные запросы по поручению клиентов. Подобно тому, как персонал «Белгравии» никогда сам не заводил речи о деньгах, в агентстве было наложено табу на любое упоминание о частном сыске или детективах.

И если вдуматься, Лампет, насколько ему запомнилось, никогда не встречал там ни одного сыщика. А детективы агентства «Липсиз» не называли имен и фамилий своих клиентов по той простой причине, что зачастую сами их не знали. Скрытность действий значила даже больше, чем успешное завершение порученного дела.

Лампета узнали, хотя он бывал в агентстве прежде лишь два или три раза. У него приняли из рук зонтик и провели прямо в кабинет мистера Липси – невысокого, подвижного мужчины с прямыми черными волосами и слегка траурной и тактичной манерой говорить, какая часто свойственна судебным медикам, сообщающим о результатах вскрытия.

Он пожал Лампету руку и жестом пригласил сесть в кресло. Его рабочее место скорее подошло бы адвокату, нежели детективу. Комната была обставлена мебелью темного дерева, где обычные выдвижные ящики служили заменой металлическим шкафам для досье, а в стену вмонтировали сейф. Всю поверхность письменного стола занимали документы, но секретарь аккуратно разложила бумаги ровными пачками, а остро заточенные карандаши выстроились в образцовую шеренгу рядом с карманным электронным калькулятором.

Калькулятор напомнил Лампету, что агентству чаще всего приходилось расследовать случаи финансовых махинаций, – потому и располагалось оно в сердце Сити. Но занимались здесь и поисками людей, а для Лампета – картин. Стоили подобные услуги очень дорого, что для Лампета служило источником спокойствия и уверенности.

– Бокал хереса? – предложил Липси.

– Спасибо, с удовольствием. – И пока хозяин наливал вино из графина, Лампет достал из кармана открытку. Взяв бокал, протянул взамен открытку. Липси сел, поставил нетронутый бокал на стол и изучил почтовое отправление.

Спустя минуту он спросил:

– Как я понимаю, вы хотите, чтобы мы разыскали упомянутую здесь картину?

– Да.

– Гм-м. У вас есть адрес племянницы в Париже?

– Нет, но моя сестра – ее мать – наверняка знает. Я его вам сообщу. Однако, насколько я знаю характер Дилии, к этому моменту она уже вполне могла покинуть Париж и отправиться на поиски Модильяни. Если только произведение не находится в самом Париже.

– Стало быть, нам остается пока полагаться только на ее друзей в столице Франции. И на эту открытку. Как вы считаете, возможно ли, чтобы она, так сказать, почуяла запах шанса сделать столь ценную находку, находясь где-то поблизости от данного кафе?

– Весьма вероятно, – ответил Лампет. – Превосходная догадка. Она очень импульсивная девушка.

– Мне тоже так показалось, судя... э-э-э... по стилю сообщения. А теперь скажите мне, каковы шансы, что это не превратится в охоту за чем-то призрачным?

Лампет пожал плечами.

– Такая возможность всегда существует, когда ведешь поиски неизвестной или потерянной картины. Но пусть вас не вводит в заблуждение стиль Дилии. Она получила стипендию для написания докторской диссертации на тему изобразительного искусства. Это очень умная и проницательная личность, хотя ей всего двадцать пять лет. Если бы она согласилась на меня работать, я бы ее немедленно нанял, пусть лишь ради того, чтобы ее знаниями не воспользовались мои конкуренты.

– И все же, как вы оцениваете шансы?

– Пятьдесят на пятьдесят. Нет, лучше. Семьдесят на тридцать в ее пользу.

– Превосходно. В таком случае как раз сейчас у меня есть свободный сотрудник, чтобы взять на себя эту работу. Мы можем начать незамедлительно.

Лампет поднялся, но несколько замялся и даже нахмурился, словно не мог подобрать нужной фразы, чтобы выразить свою мысль. Липси терпеливо ждал.

– Кстати... Важно, чтобы девушка ничего не узнала о затеянном мной поиске, понимаете?

– Само собой разумеется, – легко отозвался на это Липси. – Подобное предупреждение излишне. Все ясно без слов.

Помещение галереи наполнилось людьми, болтавшими, звеневшими бокалами и ронявшими пепел сигар на ковер. Прием был устроен в целях рекламы небольшой коллекции нескольких немецких экспрессионистов, приобретенной Лампетом в Дании. Сам он подобной живописи не любил, но они стали хорошим товаром для продажи. Среди собравшихся преобладали клиенты, художники, критики и историки живописи. Некоторые явились просто для того, чтобы отметить, быть замеченными на мероприятии в «Белгравии», заявить миру, в каких кругах они вращаются, но в результате они непременно что-нибудь купят, именно доказывая, что пришли не пустого тщеславия ради. Большинство критиков обязательно напишут о выставке, поскольку они не могли себе позволить игнорировать что-либо из происходившего в «Белгравии». Художников заманили канале и вино – бесплатная выпивка и закуска, причем кое-кто из них крайне в этом нуждался. Вероятно, единственными, кого искренне интересовали сами картины, были историки искусства и несколько серьезных коллекционеров.

Лампет вздохнул и украдкой посмотрел на часы. Нужно продержаться еще час, прежде чем, соблюдая все приличия, он сможет спокойно уйти отсюда. Его жена уже давно перестала

посещать приемы в галерее. По ее справедливому мнению, эти вечеринки наводили тоску. Лампету самому хотелось бы сейчас оказаться дома с бокалом портвейна в одной руке и с книгой – в другой, сидя в своем излюбленном кресле – старом, кожаном, с жесткой набивкой из конского волоса и с отметиной, прожженной в одном из подлокотников там, куда он всегда клал трубку. Чтобы напротив расположилась жена, а Сиддонс как раз подбросил дров в камин.

– Соскучились по дому, Чарли? – Голос раздался рядом и разрушил грезы наяву. – Наверное, предпочли бы сидеть перед телевизором и смотреть шоу с участием Барлоу?

Лампет выдавил из себя улыбку. Он редко вообще включал телевизор и терпеть не мог, когда его называл Чарли кто-либо, помимо нескольких самых давних друзей. А улыбавшийся ему мужчина вообще не относился даже к числу обычных приятелей: это был критик из еженедельного журнала, достаточно хорошо разбиравшийся в искусстве – особенно скульптуре, – но жуткий зануда.

– Привет, Джек, рад, что вы смогли прийти, – отозвался Лампет. – Я действительно немного устал для подобного рода увеселений.

– Представляю ваши ощущения, – сказал критик. – Трудный денек выдался? Должно быть, тяжелая работа – сбивать цену на картину какого-нибудь нищего художника еще на сотню другую?

Лампет снова принужденно улыбнулся, но не снизошел до ответа на скрытое в шутливой форме оскорбление. Журнал относился к числу левацких, напомнил он себе, и в его редакции чувствовали необходимость не одобрять деятельность тех, кто умел делать деньги на культуре.

Он заметил, как Уиллоу пробирается к ним сквозь толпу, и почувствовал прилив благодарности к младшему партнеру. Журналист все же понял, что он станет лишним при их разговоре, и под благовидным предлогом отошел в сторону.

– Спасибо, что пришли на выручку, – обратился Лампет к Уиллоу, понизив голос.

– Не проблема, Лампет. На самом деле я хотел сообщить, что Питер Ашер здесь. Хотите обработать его лично?

– Да. Послушайте, я решил устроить выставку Модильяни. У нас есть три картины Кардуэлла, карандашные наброски, а нынче утром наклюнулся еще один вариант. Этого будет достаточно, чтобы составить ядро экспозиции. Наведете справки, у кого есть еще его вещи?

– Конечно. Но в таком случае на персональной выставке Ашера можно поставить крест.

– Боюсь, что так. У нас нет возможности организовать нечто подобное на многие месяцы вперед. Я уведомя его. Ему это не понравится, но и большого урона не нанесет. В перспективе его талант сам пробьет себе дорогу, что бы мы ни делали.

Уиллоу кивнул и пошел дальше, а Лампет отправился на поиски Ашера. Он обнаружил его сидящим в дальнем углу галереи перед несколькими новыми полотнами. С ним была женщина, и они оба до краев наполнили тарелки едой со стола для фуршета.

– Позвольте к вам присоединиться? – спросил Лампет.

– Разумеется. Сэндвичи – просто объединение, – сказал Ашер. – Представьте, я не ел икры уже несколько дней!

Лампет с улыбкой воспринял сарказм и сам угостился небольшим бутербродом на квадратике из белого хлеба. Женщина сказала:

– Питер пытается разыгрывать из себя сердитого молодого человека, хотя слишком стар для такой роли.

– Вы ведь еще не знакомы с моей болтливой женой, верно? – поинтересовался Ашер.

Лампет кивнул женщине в знак приветствия.

– Рад нашей встрече, – сказал он. – Знаете, мы уже привыкли к Питеру, миссис Ашер, и терпимо относимся к его особому чувству юмора, потому что нам очень нравятся его произведения.

Ашер воспринял легкий упрек как должное, и Лампет понял, что облек его в наиболее удачную форму, скрыв под покровом хороших манер и обильно умаслив лестью.

Ашер запил еще один сэндвич глотком вина и спросил:

– Так когда вы собираетесь открыть мою персональную выставку?

– Именно об этом я и собрался поговорить с вами, – начал Лампет. – Боюсь, что нам придется отложить ее проведение. Понимаете...

Лицо Ашера побагровело под длинными волосами и бородкой Иисуса.

– Мне не нужны ваши неискренние извинения. Вы попросту нашли что-то получше, чтобы занять зал. Кто это?

Лампет вздохнул. Именно такого оборота беседы он надеялся избежать.

– Мы устраиваем выставку Модильяни. Но это не единственная...

– На какой срок? – требовательно спросил Ашер, повысив голос. Жена сдерживавшим жестом положила ладонь на его руку. – Надолго ли вы откладываете мою экспозицию?

Лампет кожей почувствовал чужие взгляды, впившиеся в спину, и понял, что часть публики уже с интересом наблюдает за происходящим. Он улыбнулся, заговорщицки склонился ближе к Ашеру, чтобы заставить того говорить тише.

– Не могу ничего твердо обещать, – пробормотал он. – У нас очень плотный график. Надеюсь, в начале будущего года...

– Будущего года! – выкрикнул Ашер. – Боже милостивый! Модильяни может теперь как-нибудь обойтись без выставки, а мне нужно жить! Моя семья хочет есть!

– Пожалуйста, Питер...

– Нет! Вам не заткнуть мне рот! – Вся галерея затихла, и Лампет с огорчением заметил: теперь за развитием ссоры уже следили все. Ашер продолжал вопить: – Не сомневаюсь, на Модильяни вы огребете кучу денег, потому что он умер. Вы не сделаете для человечества ничего полезного, зато какая это будет бомба! Беда в том, что слишком много ожиревших дельцов вроде вас правят бал в этом бизнесе, Лампет. Вы хотя бы представляете, – продолжал он, – по каким ценам я продавал свои вещи, пока не связался с вашей паршивой чопорной галереей? Мне даже хватило на покупку жилья по ипотеке. А «Белгравия» умудрилась сбить стоимость моих работ и так спрятать их, что они перестали продаваться. Я передам полотна в другое место, а вы можете заткнуть свою треклятую галерею себе в задницу!

Лампет скривился, слушая эту несдержанную и вульгарную ругань. Его лицо ощутимо покрылось яркой краской, но он ничего не мог с собой поделать.

Ашер театрально развернулся и бросился вон из помещения. Толпа расступалась перед ним, когда он быстро шел мимо с высоко поднятой головой. Жена семенила позади. Ей пришлось почти бежать, чтобы не отстать от широко шагнувшего супруга, хотя она избегала встречаться взглядами с другими гостями. Затем все обратили взоры на Лампета, ожидая, как он поведет себя, чтобы воспринять это руководством к действиям.

– Примите мои извинения за... за это, – сказал он. – Прошу всех продолжать получать удовольствие и забыть о случившемся. Всего лишь мелкая размолвка. – Он выдавил из себя очередную улыбку. – Лично я выпью еще бокал вина и призываю всех последовать моему примеру.

В разных углах галереи возобновились прерванные разговоры, и постепенно неумолчный гомон вновь заполнил ее целиком, а кризис оказался позади. Непростительной ошибкой было сообщать Ашеру неприятные новости в разгар приема: теперь это выглядело очевидным. Лампет принял решение в конце долгого и напряженного дня. В будущем следует пораньше отправляться домой или начинать работать немного позже, сделал вывод он. В его возрасте нельзя себя так загонять.

Он нашел бокал вина и быстро осушил. Напиток придал твердости чуть дрожащим коленям и помог перестать обильно потеть. Господи, как неловко! Эти чертовы художники!

Глава третья

Питер Ашер прислонил велосипед к витрине из зеркального стекла, принадлежавшей галерее «Диксон энд Диксон» на Бонд-стрит. Потом снял с брючин велосипедные прищепки и попытался расправить образовавшиеся складки на брюках, оглядев свое отражение в стекле: его дешевый в мелкую светлую полоску костюм казался слегка помятым, но жилетка, белая рубашка и широкий галстук придавали ему некоторую элегантность. Под одеждой он изрядно взмок. Ехать, крутя педали, из Клэпэма было долго, жара измучила, но он не мог себе позволить билет подземки.

Он заранее приглушил свою гордость, исполнился решимости вести себя вежливо, скромно, показать добродушие и смиренный нрав, когда переступил порог галереи.

Хорошенькая девушка в очках и мини-юбке встретила его в вестибюле, заменявшем и приемную. Она наверняка зарабатывает в неделю больше, чем я, посетила Питера мрачная мысль, но он тут же напомнил себе о принятом решении и отогнал уныние прочь.

– Чем могу вам помочь, сэр? – спросила девушка с милой улыбкой.

– Я желал бы встретиться с мистером Диксоном, если это возможно. Меня зовут Питер Ашер.

– Присядьте пока, пожалуйста, а я проверю, у себя ли мистер Диксон.

– Благодарю вас.

Питер развалился в кресле, обитом зеленым кожзаменителем, и наблюдал, как девушка села за свой стол и взялась за телефонную трубку. Под столом между тумбами с ящиками для бумаг ему были видны колени девушки. Она чуть подвинулась на стуле, ее ноги раздвинулись, и перед ним теперь обнажилось натянутое в чулок бедро. А что, если... Не будь идиотом, сразу одернул он себя. Она будет заказывать в баре дорогие коктейли, захочет сидеть на лучших местах в театрах. Натуральные бифштексы «Диана» под хороший кларет. А он мог предложить ей только фильмы направления андерграунд в «Депо»², чтобы потом напроситься к ней же на квартиру с бутылкой дешевого рислинга из супермаркета «Сэйнсбери». Нет, ему никогда не добраться до того, что расположено выше этих коленок.

– Не хотите ли, чтобы я проводила вас в кабинет? – спросила девушка.

– Я знаю, куда идти, – ответил Ашер, поднимаясь.

Он открыл дверь и по длинному, покрытому ковровой дорожкой коридору добрался до другой двери. За ней его встретила еще одна секретарша. Все эти никчемные помощницы, черт бы их побрал! – подумал Ашер. Они могли вполне сносно существовать только за счет художников. Эта оказалась чуть постарше, но была не менее соблазнительна, а выглядела уже совершенно недоступной. Она сказала:

– Мистер Диксон этим утром ужасно занят. Если вы присядете на какое-то время, я дам вам знать, когда он освободится.

Питер вновь сел, стараясь не слишком пялиться на женщину. Принялся рассматривать развешанные на стенах произведения искусства: преимущественно акварели с пейзажами, ничем не примечательные. Подобные работы наводили на него тоску. Обширную грудь секретарши не могли скрыть ни чуть заостренные чашечки бюстгальтера, ни просторный, но тонкий свитер. Что, если она сейчас встанет и медленно снимет свитер через голову... О боже, угомонись, воображение! Однажды он перенесет такие фантазии на холсты, просто чтобы выбро-

² «Депо» – англ. Roundhouse – действительно бывшее паровозное депо в Лондоне, превращенное в кинотеатр и концертный зал, ставший популярным у поклонников неформального искусства особенно в 60-е и 70-е годы XX века. Существует по сей день.

силь навсегда из головы. Разумеется, никто их не купит. Питер, вероятно, даже не захочет их сохранить для себя. Но они станут источником ощутимого облегчения.

Он посмотрел на свои часы. Диксон заставлял себя ждать уже долго. «Я мог бы заняться порнографическими рисунками для грязных журнальчиков, причем заработал бы неплохие деньги, но это значило бы проституировать свой богоданный талант», – подумал он.

Раздался мягкий звук зуммера, и секретарь сняла трубку телефона.

– Спасибо, сэр, – сказала она, давая отбой.

Потом встала, обошла вокруг стола.

– Заходите, пожалуйста, – и с этими словами она открыла перед Ашером дверь.

Когда Питер вошел, Диксон поднялся. Это был высокий, сухопарый мужчина в очках с полукруглыми линзами и с манерами семейного доктора. Он без улыбки пожал посетителю руку и отрывисто предложил Питеру сесть.

Затем оперся локтями на поверхность антикварного рабочего стола и спросил:

– Итак, чем могу быть полезен?

Питер репетировал речь всю дорогу, пока ехал на велосипеде. Он не сомневался, что Диксон примет его к себе, но постарался выбрать выражения, чтобы ни в коем случае не задеть самолюбие этого типа. И он сказал:

– Я уже давно не слишком доволен тем, как со мной поступают в «Белгравии». И подумал, не пожелаете ли вы взять в экспозицию мои работы.

Диксон вздернул брови.

– Это несколько неожиданное предложение, вам не кажется?

– Быть может, внешне все выглядит спонтанным, но, как я упомянул, недовольство накапливалось уже некоторое время.

– Что ж, такое случается. Расскажите, как шли ваши дела в последнее время.

Питер несколько секунд в замешательстве гадал, слышал ли Диксон вообще о вчерашней ссоре. Если слышал, то не подавал вида и ни словом не обмолвился о ней.

– «Коричневая линия» продана не так давно за шестьсот фунтов, – сказал он. – «Две коробки» ушли за пятьсот пятьдесят. – Звучало неплохо, но суть заключалась в том, что это были всего две картины, купленные у него за полтора года.

– Прекрасно, – прокомментировал Диксон. – Тогда в чем же заключаются ваши проблемы с «Белгравией»?

– Не могу точно сказать, – предельно честно ответил Питер. – Я художник, а не торговец картинами. Но, как мне показалось, они не делали ничего, чтобы популяризировать мое творчество.

– Гм-м... – Диксон погрузился в раздумья. Хочет, чтобы все выглядело сложнее, чем самом деле, мелькнула мысль у Питера. Но потом владелец галереи сказал: – Боюсь, мистер Ашер, что, по моему мнению, мы не сможем включить вас в наш реестр. Хотя мне очень жаль.

Питер уставился на него как громом пораженный.

– Что значит – не сможете включить в свой реестр? Всего два года назад меня стремилась заполучить каждая лондонская галерея! – Он откинул с лица пряди длинных волос. – Боже милостивый! Вы не можете так просто отвергнуть меня!

Диксон занервничал, словно его напугала неистовая одержимость молодого живописца.

– Я считаю, – сказал он, впрочем достаточно резко, – что вас поначалу значительно переоценивали. Вот почему мы, скорее всего, так же разочаруем вас, как и «Белгравия», потому что корень проблемы не в галереях, а в ваших работах. Со временем их стоимость снова возрастет, но на данный момент лишь немногие из ваших холстов можно оценить больше чем в триста двадцать пять фунтов. Простите, но таково мое решение.

Ашер весь напрягся, его тон стал почти умоляющим:

– Послушайте, если вы отвернетесь от меня, мне придется податься в маляры и красить стены домов. Разве вы не понимаете? Мне насущно необходима галерея!

– Вы не пропадете, мистер Ашер. Наоборот, вы более чем преуспеете. Через десять лет вас станут величать лучшим художником в Англии.

– Так почему бы не заняться мной прямо сейчас?

Диксон нетерпеливо вздохнул. Ему уже встало поперек горла всякое продолжение этого разговора.

– Сейчас мы совершенно не та галерея, какая вам нужна. Как вам известно, мы продаем главным образом живопись и скульптуру конца XIX столетия. У нас заключены контракты всего лишь с двумя ныне здравствующими художниками, и они оба знамениты. Кроме того, вы нам совершенно не подходите по стилю.

– Что, черт вас побери, это значит?

Диксон поднялся на ноги.

– Мистер Ашер, я пытался вам отказать максимально вежливо, объяснил свою позицию с точки зрения здравого смысла, не прибегая к грубым словам или излишней и обидной для вас откровенности. Но, как я вижу, вы не ответили на мою вежливость взаимностью. И потому вынудили выложить вам все как есть, без обиняков. Вчера вечером вы закатили совершенно безобразную сцену в «Белгравии». Оскорбили хозяина галереи, поставили в неловкое положение его гостей. И мне совершенно не хочется, чтобы нечто подобное повторилось в «Диксоне». А теперь всего вам хорошего, приятного дня. Я вас больше не смею задерживать.

Питер тоже встал, агрессивно наклонив вперед голову. Начал было что-то говорить, но осекся, развернулся и вышел за дверь.

Широкими шагами он быстро миновал коридор, вестибюль и оказался на улице. Уже из седла велосипеда, нажимая на педали, он посмотрел на окна вверх.

– И вы все тоже пошли на хрен! – выкрикнул он и укатил прочь.

Свой гнев он срывал теперь на педалях велосипеда, вращая их с озлобленной мощью, набирая и набирая скорость. На светофоры, улицы с односторонним движением и полосы, зарезервированные только для автобусов, он не обращал ни малейшего внимания. На перекрестках он выезжал на тротуары, распугивая прохожих, определенно похожий на маньяка в деловом костюме, но с длинными волосами, развевавшимися от ветра.

Через какое-то время Питер пришел в себя, оказавшись на набережной Темзы в районе вокзала Виктория, где его ярость окончательно улетучилась. С самого начала было ошибкой связываться с консервативными воротилами из числа торговцев произведениями искусства, решил он. Диксон прав: его стиль им не подходит. Поначалу перспектива выглядела соблазнительной: контракт с одной из старых и более чем респектабельных галерей, как казалось, гарантировал постоянное ощущение уверенности в завтрашнем дне. А это очень плохо для молодого художника. Вероятно, он еще почувствует последствия, пагубно сказавшиеся на его работе.

Надо было держаться маргинальных салонов, компании молодых бунтарей, таких, как в «Шестьдесят девять», где года два собирались огромные силы революционного искусства, пока заведение не разорилось.

Подсознание направляло его в сторону Кингз-роуд, и внезапно Питер понял, почему это происходило. До него дошел слух, что Джулиан Блэк, немного знакомый ему по совместной учебе в художественной школе, собирался открыть новый салон и назвать его «Черной галереей»³. Джулиан был личностью яркой: иконоборец, презиравший мировые художественные традиции, страстно влюбленный в живопись, хотя сам как художник ничего собой не представлял.

³ Блэк – по-английски значит «черный».

Питер затормозил у входа в будущий салон. Его витрины были пока густо замазаны известкой, а на тротуаре поблизости громоздился штабель из досок. На лестнице стоял мастер по оформлению вывесок и выводил под фронтоном название. Пока у него получилось только: «Черная га...»

Питер пристроил свой велосипед в сторонке. «Джулиан подходит мне идеально, – подумал он. – Он начнет поиски художников и придет в восторг, заручившись уже столь звучным именем, как Питер Ашер».

Дверь оказалась не заперта, и Питер вошел внутрь, переступив через перепачканный краской рулон брезента. Стены в просторном помещении сделали совершенно белыми, и электрик крепил к потолку яркие светильники, напоминавшие софиты. В дальнем углу рабочий настилал на бетонный пол ковровое покрытие.

Джулиана Питер заметил сразу же. Он стоял неподалеку от входа и разговаривал с женщиной, чье лицо показалось смутно знакомым. На нем был черный бархатный костюм и галстук-бабочка. Его аккуратно постриженные волосы едва доставали до мочек ушей, и он выглядел привлекательным, хотя и похожим на старшеклассника из общественной школы.

Услышав, как вошел Питер, Джулиан повернулся с выражением благожелательного гостеприимства на лице, словно хотел спросить: «Чем могу служить?» Но это выражение мгновенно уступило место узнаванию, и он воскликнул:

– Бог ты мой, Питер Ашер! Вот это сюрприз! Добро пожаловать в «Черную галерею»!

Они обменялись рукопожатиями.

– Выглядишь процветающим, – заметил Питер.

– Создаю необходимую иллюзию. Зато ты вот действительно преуспеваешь. Подумать только! Собственный дом, жена, ребенок. Ты хоть понимаешь, что на самом деле должен был бы сейчас прозябать в нищете на одном из чердаков, которые некоторые чудaki называют мансардами?

Он сам рассмеялся над собственной шуткой.

Питер бросил любопытствующий взгляд в сторону женщины.

– Ах, извини, – сказал Джулиан. – Познакомься с Самантой. Ты должен был узнать ее.

– Привет, – небрежно бросила женщина.

– Ну конечно! – воскликнул Питер. – Вы же актриса! Счастлив познакомиться, – он пожал ей руку. Потом снова обратился к Джулиану: – Послушай, не могли бы мы с тобой пару минут потолковать о делах?

Джулиан слегка удивился и как будто встревожился, но сказал:

– Разумеется.

– Мне все равно пора идти, – заявила Саманта. – Скоро увидимся.

Джулиан проводил ее до двери, потом вернулся и сел на упаковочный ящик.

– Хорошо, старина, выкладывай, что у тебя на уме.

– Я ушел из «Белгравии», – сказал Питер. – И теперь ищу новое место, где бы смог вывести свою мазню. Думаю, я такое место нашел. Помнишь, как здорово нам было работать вместе над организацией Бала оборванцев? И мне кажется, из нас с тобой снова может получиться хорошая команда.

Джулиан помрачнел и отвел взгляд в сторону окна.

– Тебя в последнее время не очень хорошо покупали, Пит.

Питер всплеснул руками.

– Брось, Джулиан! Ты не можешь отказаться от меня! Я стану для тебя потрясающей находкой.

Джулиан положил ладони на плечи Питеру:

– Позволь мне кое-что объяснить, дружище. У меня было двадцать тысяч фунтов, чтобы открыть эту галерею. Знаешь, сколько из них я уже потратил? Девятнадцать тысяч. А сколько картин приобрел при этом? Ни одной.

– Тогда на что же ушли деньги?

– Оплата вперед аренды помещения, мебель, отделка, штат сотрудников, налог на то, залог за это. Плюс реклама. Это бизнес, в котором трудно пробиться новичку, Пит. Представим, что я взял тебя к себе. Мне придется уделить тебе достаточно много наилучшего выставочного пространства, и не только потому, что мы друзья. В противном случае пойдут слухи, что я зажимаю тебя, а это повредит моей репутации. Ты же знаешь, насколько узок и полон злопыхателей круг людей, в котором приходится вращаться.

– Да уж, мне это прекрасно известно.

– Но твои работы не покупают, Пит, и я не могу отвести самые лучшие площади под то, чего не сумею продать. Только за первые шесть месяцев этого года в Лондоне обанкротились четыре художественные галереи. И меня может запросто постигнуть та же участь.

Питер медленно кивнул. Он не мог даже разозлиться. Джулиан не принадлежал к числу ожиревших на искусстве паразитов. Он сам находился пока на дне вместе с художниками.

К сказанному нечего было добавить. Питер побрел к двери. Когда он открыл ее, Джулиан выкрикнул вслед:

– Прости, мне очень жаль!

Питер снова кивнул и вышел на улицу.

В половине восьмого Питер сидел на стуле в аудитории и ждал, пока постепенно собирались ученики. Он даже не предполагал, когда брался за работу преподавателя рисования и живописи в местной политехнической школе, насколько счастлив будет получать здесь двадцать фунтов в неделю. Преподавать оказалось невыносимо скучно, а в каждом из классов едва ли находился хотя бы один подросток с чуть заметным проблеском дарования, но деньги помогали оплачивать ипотеку и счета от бакалейщика, пусть их с трудом хватало на это.

Он молча сидел, пока они располагались за своими подрамниками, сами теперь ожидая, даст ли он им задание или начнет читать лекцию. По пути сюда Питер пропустил пару стаканчиков: стоило ли жалеть несколько шиллингов? Они казались пустяком в сравнении с катастрофой, случившейся в его карьере.

Насколько он знал, из него получился хороший преподаватель. Ученикам нравилась его очевидная любовь к искусству и откровенные, порой даже жесткие в своей прямоте оценки их произведений. И он обладал способностью улучшить их результаты. Даже у тех, кто не владел никакими способностями. Демонстрировал им приемы работы, указывал на чисто технические ляпы, причем его советы легко запоминались.

Половина из них хотела затем продолжать образование в сфере изобразительного искусства. Дурачки! Кто-то должен был их предупредить, что они только понапрасну потратят время. Живопись следовало сделать всего лишь своим хобби и прожить счастливую жизнь, работая клерками в банках и компьютерными программистами.

Да, черт возьми, кто-то обязан им об этом сказать.

Они все уже собрались. Питер поднялся со стула.

– Нынешним вечером мы с вами поговорим о мире художников, – сказал он. – Насколько я знаю, некоторые из вас надеются уже вскоре стать частью этого мира.

Последовали два-три кивка в знак согласия.

– Так вот, именно им я адресую наилучший совет, какой только могу дать. Забудьте об этом. Я вам способен многое порассказать, – продолжал он. – Пару месяцев назад в Лондоне были проданы восемь картин за общую сумму в четыреста тысяч фунтов. Двое из авторов этих полотен умерли в нищете. Понимаете, как все устроено? Пока художник жив, он вкладывает

в искусство всего себя без остатка, выплескивает на холсты свои жизненные соки и кровь, что течет в его жилах. – Питер криво усмехнулся. – Звучит мелодраматично, не так ли? Но это правда. Он, видите ли, интересуется только своими картинами. Зато жирные коты, богатые дяденьки, светские львицы, дельцы и коллекционеры ищут лишь способ вложения денег и сокращения для себя налогов. На самом деле им вовсе не нравятся сами по себе его произведения. Им нужно нечто безопасное и хорошо знакомое, а кроме того, они, эти милые знайки изящных искусств, ничегошеньки не смыслят в живописи. И они не покупают картины у художника, а он умирает молодым. Проходит несколько лет, прежде чем находится пара восприимчивых людей, начинающих постепенно понимать смысл полотен, что ими хотел сказать живописец, и покупают его работы по дешевке: у друзей, которым он дарил свои вещи, в лавчонках старьевщиков, в захудалых галереях Борнмута или Уотфорда. Цены растут, картины начинают интересовать серьезных дельцов. И внезапно холсты художника становятся, во-первых, модными, а во-вторых, хорошим вложением средств. Его полотна оцениваются теперь в астрономические суммы – пятьдесят тысяч, двести тысяч и больше. Кто зарабатывает на этом? Торговцы, пронырливые скупщики или в лучшем случае те, кто обладал достаточно хорошим вкусом, чтобы приобрести несколько работ, пока они еще не вызвали модного ажиотажа. Аукционеры, их сотрудники, хозяева галерей и салонов со своими бесчисленными секретарями. Деньги делают все, кроме самого художника, поскольку его уже нет в живых. А тем временем современные молодые таланты отчаянно борются за кусок хлеба насущного. В будущем их картины тоже начнут продаваться за астрономические суммы, но сейчас никто не видит их достоинств, они никому не нужны. Вы скажете, государство могло бы вмешаться в эти выгодные дела, заработать денег, чтобы открыть как можно больше общедоступных галерей. Но нет. Художник всегда остается в проигрыше. Всегда.

Позвольте рассказать немного о себе, – продолжал Питер. – Я стал на какое-то время исключением из правил – мои работы начали хорошо продаваться еще при жизни. Пользуясь этим, я купил в рассрочку жилье и завел ребенка. Я считался восходящей звездой английской живописи. Но потом дела пошли наперекосяк. Меня «переоценили», как мне и было заявлено. Я вышел из моды. А мои манеры недостаточно утонченны для высшего общества. Внезапно я оказался повержен в крайнюю бедность. Меня вышвырнули на свалку. О, вы по-прежнему обладаете огромным талантом, говорят они мне. Лет через десять снова окажетесь на коне, взойдете к новым вершинам. А до тех пор я должен умирать с голода, рыть канавы или грабить банки. Им плевать, понимаете... – Он сделал паузу и только сейчас осознал, какую длинную речь произнес, насколько увлекли его собственные слова.

В аудитории воцарилась мертвая тишина под воздействием такой ярости, такой страсти, такой предельной и исповедальной откровенности.

– Зарубите себе на носу, – подвел итог он. – Последний, кто их заботит, кому они уделяют внимание, – это как раз тот человек, который использует свой полученный от бога дар создавать чудо живописи. То есть художник.

Он снова сел, упершись взглядом в стол перед собой. Это был старый учительский стол с вырезанными ножом чьими-то инициалами, чернильными пятнами, глубоко въевшимися в дерево. Всмотревшись в структуру материала, он заметил ее текучесть, подобную картине в стиле оп-арт⁴.

До учеников постепенно дошло, что урок окончен. Они стали по одному вставать, собирать свои вещи и уходить. Через пять минут класс опустел. Остался только Питер, положивший голову на стол и закрывший глаза.

⁴ Оп-арт – модернистское направление в изобразительном искусстве, зародившееся в начале второй половины XX века.

Уже стемнело, когда он добрался до дома – небольшого коттеджа в Клэпэме. Приобрести его в рассрочку оказалось довольно-таки трудно, несмотря на относительную дешевизну старого здания. Но они сумели сделать это.

Питер сам стал строительным рабочим и превратил весь верхний этаж в мастерскую, для чего снес внутренние перегородки и расширил окна, создав естественное освещение. Все трое ночевали в общей спальне на первом этаже, что оставляло одну комнату свободной под гостиную. Кухня, ванная и туалет разместились в пристройке со стороны заднего двора.

Питер прошел прямо в кухню и поцеловал Энн.

– Боюсь, я сорвал злость на своих учениках, – сообщил он.

– Ничего, вытерпят, – улыбнулась она. – Безумный Митч пришел приободрить тебя. Он в мастерской. Я как раз готовлю сэндвичи для всех нас.

Питер поднялся по лестнице. Безумным Митчем они прозвали Артура Митчелла, учившегося вместе с Питером в Колледже изящных искусств Слейд. Потом он стал преподавателем, отказавшись даже от попытки внедриться в рискованный с коммерческой точки зрения мир профессиональных художников. Он целиком разделял глубокое презрение Питера к нравам и претензиям этого мира, где правили бал деньги.

Когда Питер вошел, он как раз рассматривал только что законченную картину.

– Ну, и что ты о ней думаешь? – спросил Питер.

– Неправильная постановка вопроса, – отозвался Митч. – Она заставит меня вывалить кучу собачьего дерьма по поводу мастерства передачи движения, твоего владения кистью, композиции и эмоционального настроения. Лучше спроси, повесил бы я эту вещь на стену у себя дома.

– Ты повесил бы ее у себя дома?

– Нет. Она бы дисгармонировала с моим костюмом-тройкой.

Питер рассмеялся.

– Ты собираешься откупорить принесенную с собой бутылку виски или нет?

– Конечно, собираюсь. Надо же устроить поминки.

– Стало быть, Энн все тебе рассказала?

– Да, рассказала. Ты на собственной шкуре испытал то, о чем я тебя предупреждал несколько лет назад. Но личного опыта здесь ничто не заменит.

– Трудно спорить.

Питер снял с полки два не слишком чистых стакана, и Митч налил в них виски. Они поставили пластинку Хендрикса и какое-то время слушали фейерверк, извлекаемый из гитарных струн, в молчании. Энн принесла сэндвичи с сыром, и все трое стали методично напиваться.

– Хуже всего, – сказал Митч, – что по сути своей, самая драгоценная сердцевина всего дерьма, которое мы видим...

Питер и Энн дружно рассмеялись, услышав такую причудливую смесь метафор.

– Продолжай, – сказал Питер.

– Основа самого задрипанного шедевра, его главная ценность заключается в уникальности произведения. Очень немногие полотна могут считаться уникальными в полном смысле этого слова. Если только в картине нет какого-то подвоха, некой уловки – улыбка Моны Лизы самый известный из примеров этого, – то любой сможет написать точно такую же.

– Насчет точности ты перегибаешь палку, – вставил реплику Питер.

– Точность необходима лишь там, где она важна. Несколько миллиметров расхождения в использовании пространства, едва уловимое различие в цвете не имеют значения, если взять среднюю вещь, за какие выкладывают по пятьдесят тысяч фунтов. Да боже ты мой, тот же Мане не писал идеальную копию картины, заранее сформировавшейся у него в голове. Он всего лишь клал мазки приблизительно там, где они казались ему уместными. И смешивал краски, пока оттенок не мнился ему относительно верным.

– А подумайте о «Мадонне в скалах»⁵, – горячился Митч. – Одна вывешена в Лувре, другая – в лондонской Национальной галерее. Все сходятся во мнении, что какая-то из них фальшивка. Но какая именно? Подделка в Лувре, утверждают английские эксперты. Нет, в Национальной галерее, возражают французы. Истины мы не установим никогда. Но кому до этого дело? Достаточно посмотреть на эти полотна, чтобы оценить их величие. Но стоит кому-то убедительно доказать, какая представляет собой всего лишь имитацию, и на нее больше никто даже не взглянет. Полный абсурд!

Он допил содержимое своего стакана и налил еще виски. Потом Энн сказала:

– А я вот тебе не верю. Требуется почти столь же гениальный живописец, чтобы создать копию великого произведения искусства и ни в чем не отойти от оригинала, от того, как оно было написано изначально.

– Чепуха! – взорвался Митч. – Я могу подтвердить свою точку зрения. Дайте мне чистый холст, и я воспроизведу для вас пресловутого Ван Гога за двадцать минут.

– Он прав, – поддержал друга Питер. – Я тоже способен сделать это.

– Но не так быстро, как я, – сказал Митч.

– Даже быстрее.

– Отлично. – Митч поднялся. – Мы устроим состязание. Создание шедевров наперегонки.

Питер тоже вскочил.

– Вызов принят. Но только возьмем два листа бумаги. Не стоит понапрасну портить холсты.

– Вы оба рехнулись, – рассмеялась Энн.

Но Митч уже прикрепил кнопками к стене два листа ватмана, а Питер достал две палитры.

– Выбирай художника, Энн.

– Хорошо, пусть будет Ван Гог.

– Назови произведение.

– Гм-м. «Могильщик».

– Теперь произнеси: на старт, внимание, марш!

– На старт, внимание, марш!

Оба яростно взялись за дело. Питер наметил фигуру, опиравшуюся на лопату, легкими мазками обозначил траву под ногами и принялся за одежду мужчины. Митч же начал с лица: морщинистого, усталого лица немолодого уже крестьянина. Энн с изумлением наблюдала, как начали проступать ясные очертания двух картин.

Могильщик Митча первым проявил себя в действии, вонзая лопату в жесткую почву с помощью ступни, склонив грузное, лишенное всякого изящества тело. Митч провел еще несколько минут, вглядываясь в свое творение, добавляя мелкие детали и снова вглядываясь.

Питер же писал что-то мелкое черной краской в самом нижнем углу картины. Внезапно Митч завопил:

– Я закончил!

Питер посмотрел на работу Митча.

– Свинья, – выругался он, но потом посмотрел еще раз. – Нет, ты не закончил. Забыл поставить подпись художника. Ха-ха!

– Вздор! – Митч опять взялся за кисть и начал выводить подпись. Питер с этим справился чуть раньше. Энн хохотала при виде этой пары.

Оба отступили на шаг назад одновременно.

– Я победил! – вскрикнули они в унисон, а потом тоже не выдержали и рассмеялись.

⁵ Известная картина Леонардо да Винчи, написанная в начале XVI столетия.

Энн захлопала в ладоши.

– Что ж, – сказала она, – если мы дойдем совсем до крайности, вот способ заработать себе на корку хлеба.

Питер еще смеялся.

– Отличная идея, – сквозь смех выговорил он.

Но затем они с Митчем переглянулись. И улыбки до комичности медленно сбежали с лиц. Оба разглядывали висевшие на стене изображения.

Голос Питера вдруг стал тихим, холодным и серьезным.

– Боже всемогущий! – сказал он. – Это отличная идея.

Глава четвертая

Джулиан Блэк слегка нервничал, входя в здание, где располагалась редакция газеты. Он вообще много нервничал в последнее время: из-за галереи, из-за денег, из-за Сары и из-за ее родителей. Хотя на самом деле все это составляло одну и ту же большую проблему. Отделанный мрамором вестибюль выглядел внушительно. Высокий потолок, отполированные медные детали там и здесь, расписанные фресками стены. Он почему-то воображал себе редакцию грязноватым и заполненным народом помещением, но это место выглядело прихожей дорогого современного борделя. Табличка с позолоченными буквами, выставленная у металлической шахты лифта, информировала посетителя, что находится на каждом из этажей, поскольку здесь разместились не только утренняя, но и вечерняя газета, не считая нескольких журналов и других совсем мелких периодических изданий.

– Могу я чем-то быть вам полезен, сэр?

Джулиан обернулся и увидел одетого в традиционную униформу швейцара у себя за спиной.

– По всей вероятности, можете, – ответил Джулиан. – Я хотел бы встретиться с мистером Джеком Бестом.

– В таком случае соизвольте заполнить один из этих бланков, пожалуйста.

До крайности удивленный, Джулиан последовал за служащим к столу у одной из стен вестибюля. Ему подали небольшой зеленый листок, где в отдельных графах следовало указать свои имя и фамилию, должность человека, для встречи с которым он явился, и цель посещения. Вероятно, подобная предосторожность диктовалась необходимостью, миролюбиво подумал он, заполняя форму авторучкой с золотым пером, которую достал из кармана. В редакции газет частенько должны пытаться проникнуть всевозможные странные типы.

Кроме того, пройдя формальности, ты невольно чувствовал себя привилегированной персоной, допущенной до общения с журналистами, мелькнула у него еще одна мысль. Дождайся, пока Бесту сообщат о его приходе, Джулиан еще раз взвесил все «за» и «против» личного визита. Не лучше ли было просто послать по почте заранее подготовленное заявление для прессы? Он пригладил прическу и нервным жестом одернул на себе пиджак.

А ведь в свое время ничто не способно было вывести его из равновесия. Только с тех пор минули уже годы. Он когда-то был чемпионом школы по бегу на длинные дистанции, избирался старостой класса, возглавлял школьную команду на состязаниях в искусстве дебатов. Тогда казалось, что ему самой судьбой суждено всегда и во всем выходить победителем. А потом он занялся искусством. И уже в сотый раз нашел корень всех своих нынешних проблем в том глупом, иррациональном решении. С тех пор он всегда и во всем только проигрывал. Единственным доставшимся ему призом стала Сара, но и она оказалась чем-то вроде пирровой победы. Она и все эти ее авторучки фирмы «Паркер» с золотыми перьями. Он вдруг поймал себя на том, что импульсивно щелкает колпачком ручки, и с глубоким вздохом сунул ее обратно в карман. У нее повсюду сплошное золото, ездит она на «Мерседесе», спит в тончайших ночных рубашках и любит своего совершенно невыносимого папочку.

Пара потертых, основательно поношенных легких ботинок появилась на вершине мраморных ступеней и зашаркала вниз. Затем показались коричневые брюки из саржи, но без стрелок, а по медным перилам заскользила покрытая пятнами от никотина рука. Представший перед Джулианом мужчина оказался тощим и с виду крайне нетерпеливым. Подойдя к гостю, он бросил взгляд на зеленый листок, зажатый между пальцами.

– Мистер Блэк? – спросил он.

Джулиан выставил руку вперед.

– Он самый. Здравствуйте, мистер Бест.

Но вместо рукопожатия Бест лишь провел ладонью по своему лицу, убрав в сторону пряди лезших в глаза длинных черных волос.

– Что вам угодно? – поинтересовался он.

Джулиан осмотрелся по сторонам. Стало ясно: ему не дожидаться приглашения в кабинет Беста или хотя бы предложения присесть где-то прямо здесь. А потому пришлось напустить на себя решительный вид и начать:

– Я скоро открываю на Кингз-роуд картинную галерею, – сказал он. – Естественно, как художественный критик «Лондон мэгэзин», вы получите приглашение на прием по поводу открытия, но мне показалось полезным предварительно побеседовать с вами о задачах, которые будет ставить перед собой моя галерея.

Бест с равнодушным видом кивнул. Джулиан сделал паузу, давая этому человеку еще один шанс пригласить его подняться к себе в кабинет. Но Бест хранил молчание.

– Так вот, – продолжил Джулиан, – идея заключается в том, чтобы не связывать себя с определенным направлением в живописи или с ограниченной группой художников, но открыть свои стены для всех неформальных течений в искусстве, которые не вписываются в рамки традиций, принятых в уже существующих салонах. Для молодых творцов, работающих в наиболее радикальных стилях, порождающих новые веяния.

Джулиан отчетливо видел, что Бест уже заскучал.

– Послушайте, почему бы мне не пригласить вас выпить со мной?

Бест посмотрел на часы.

– Для этого еще слишком рано. Пока нигде не наливают спиртного.

– Тогда, быть может, по чашечке кофе?

Бест снова бросил взгляд на часы.

– Знаете, мне кажется, будет лучше нам побеседовать, когда открытие уже состоится. Почему бы вам не прислать мне приглашение и все необходимые для прессы материалы о себе и о своем детище, а потом посмотрим, сумеем ли мы где-то уединиться для подробного разговора.

– Что ж, хорошо, на том и порешили, – сказал Джулиан, с трудом скрывая смущение.

На прощание Бест все же пожал ему руку.

– Спасибо, что заглянули, – сказал он.

– Не стоит благодарности, – Джулиан поспешно повернулся и вышел.

Он устремился вниз по узкому переулку в сторону Флит-стрит, гадая, почему все пошло не так, как ему хотелось. Ясно, что теперь придется пересмотреть намеченный план нанести персональные визиты всем художественным критикам Лондона. Ему, вероятно, придется написать и разослать небольшое эссе, описывающее концепцию создания «Черной галереи». На прием они явятся непременно – там их будет ожидать не только бесплатная выпивка, но и неременная встреча с приятелями и коллегами.

Боже, он от души надеялся, что они придут на открытие. Если проигнорируют прием, это станет подлинной катастрофой. Для него оставалось непостижимым, почему Бест выглядел столь пресыщенным. Ведь не каждую неделю и даже не каждый месяц в Лондоне открывался новый художественный салон. Разумеется, критикам приходилось посещать много вернисажей и выставок, а в изданиях им еженедельно предоставлялось всего несколько дюймов пространства на полосах. И все же они не могли не уделить хотя бы несколько абзацев новому начинанию. Быть может, Бест⁶ как раз оказался не самым хорошим критиком, а, наоборот, худшим из них. И в этом все дело. Джулиан сначала усмехнулся, но потом осудил себя за невольный каламбур.

⁶ Фамилия Бест – *англ.* Best – буквально переводится как «лучший».

Ничто больше не превращалось в золото при одном лишь его прикосновении. Он мысленно вернулся к временам, когда начал утрачивать эту способность. Погруженный в глубокую задумчивость, Джулиан встал в конец очереди на автобус, скрестив на груди руки.

Он пошел учиться в художественное училище, где обнаружил, что там каждый столь же хорошо владел крутым и небрежным стилем «хип», сослужившим ему столь добрую службу в старших классах средней школы. Все обучавшиеся живописи студенты знали о Мадди Уотерсе и об Алене Гинзберге, о Кьеркегоре и об амфетаминах, были осведомлены о положении во Вьетнаме и об учении председателя Мао. Но хуже того – все они владели кистью, а Джулиан оказался никудышным живописцем.

Внезапно он стал человеком не только без собственного стиля, но и лишенным таланта. И все же проявил упорство и успешно сдал выпускные экзамены. Хотя это послужило слабым утешением. На его глазах подлинно одаренные люди вроде Питера Ашера продолжили образование в Слейде или в других университетских колледжах, а он сам начал метаться в поисках любой работы.

Очередь внезапно сдвинулась с места. Подняв глаза, Джулиан увидел, что у остановки стоит нужный ему автобус. Он вскочил на площадку и поднялся наверх.

Именно работа привела к его знакомству с Сарой. Старый школьный приятель, занявшийся издательским бизнесом, предложил ему выполнить иллюстрации к книжке для детей. Полученный аванс позволил ему пустить Саре пыль в глаза, изобразив преуспевающего художника. А к тому времени, когда она узнала правду, было уже поздно и для нее, и для ее папашки.

Успех с Сарой на какое-то время вернул ему иллюзию, что удача снова будет сопутствовать ему во всем. Но потом дела покатались под откос.

Джулиан сошел с автобуса, надеясь не застать жену.

Их дом располагался в Фулхэме, пусть Сара и твердила упрямо, что это все еще окраина Челси⁷. Хотя его купил отец Сары, Джулиан не мог не признать: старый хрыч сделал удачный выбор. Быть может, не слишком просторное – три спальни, две гостиные и кабинет – их жилье оказалось более чем современным, возведенным из железобетона и алюминия. Джулиан отпер входную дверь, вошел и поднялся по короткому пролету лестницы в главную гостиную.

Три стены здесь были стеклянными, но, увы, одно огромное окно смотрело прямо на проезжую часть улицы, а второе упиралось в кирпичную и деревянную боковые стены последнего из нескольких соседних, построенных террасами домов. Лишь из заднего окна открывался приятный вид на небольшой сад, который поддерживал в порядке нанятый на полставки садовник. Большую часть своих оплаченных двадцати рабочих часов в неделю он проводил выкуривая множество сигарет-самокруток и постригая и без того идеально ровную траву на лужайке. Но сейчас низкое предзакатное солнце весело сияло сквозь окно, придавая благородный золотистый оттенок коричневому бархату обивки мягкой мебели.

В низком широком кресле с удовольствием вытянула свое длинное тело Сара. Джулиан склонился и чисто механически поцеловал ее в щеку.

– Доброе утро, – сказала она.

Он с трудом сдержал желание посмотреть на часы. Он знал, что уже около пяти вечера, но она встала, только когда уже перевалило далеко за полдень.

Джулиан сел напротив нее.

– Чем ты занимаешься? – спросил он.

Она передернула плечами. Между пальцами правой руки была зажата длинная сигарета, в правой она держала бокал. Жена не занималась ровным счетом ничем. Ее способность ничего не делать вообще долгими часами все еще повергала Джулиана в изумление.

От нее не укрылся беглый взгляд на бокал.

⁷ Соседние районы Лондона, из которых Челси считается гораздо более фешенебельным и престижным.

– Выпить хочешь? – спросила она.

– Нет, – ответил он, но передумал. – Впрочем, я составлю тебе компанию.

– Сейчас налью. – Она поднялась и подошла к бару. Ноги при этом ей приходилось переставлять с видимой осторожностью. Наливая ему водку, она расплескала ее по полированной поверхности стойки бара.

– И давно ты уже начала пить? – спросил он.

– В бога душу мать твою... – произнесла она. Богохульства в ее устах почему-то всегда звучали особенно грязно. Она относилась к числу женщин, умевших ругаться выразительно и не тративших лишних слов. – Только не начинай опять, ладно?

Джулиан подавил вздох.

– Извини, – сказал он, приняв бокал из ее руки и отхлебнув глоток.

Сара уселась скрестив ноги. Полы ее халата при этом разошлись в стороны, обнажив длинные и стройные голени. Красота ног стала первым, что он оценил в ней сразу же, вспомнилось Джулиану. «Да они просто из плеч растут», – хрипло сказал он другу во время той, самой первой, совместной вечеринки. И ее рост оставался для него вечным источником восхищения. Она была на пару дюймов выше его даже без этих своих неизменно уродливых туфель на платформах.

– Как все прошло? – спросила она.

– Плохо. У меня создалось ощущение, что я – пустое место.

– О, мой милый бедняжка Джулиан. Одни только унижения выпадают на твою долю.

– Мы, кажется, уже договорились не заводить неприятных разговоров.

– Верно.

Джулиан продолжил:

– Я теперь планирую просто разослать для прессы необходимые материалы. Надеюсь, эти борзописцы явятся на прием. Надо как-то выкрутиться, чтобы все прошло гладко.

– Почему приходится выкручиваться?

– Из-за денег, почему еще? Знаешь, как мне на самом деле следовало бы поступить?

– Бросить эту затею вообще.

Джулиан сделал вид, что не слышал этой ремарки.

– Угостить их бутербродами с сыром и разливным пивом, чтобы остались хоть какие-то деньги на картины.

– Разве ты еще не купил их в достаточном количестве?

– Не купил пока *ни единой*, – ответил Джулиан. – Трое художников согласились позволить мне вывесить свои работы на основе комиссионных – если что-то продается, я получу десять процентов. Но мне нужно приобретать картины в полную собственность. Тогда, случись какому-то живописцу ухватить удачу за хвост, я хорошо на нем заработаю. Так устроена вся система.

Воцарилось молчание. Сара никак не прореагировала на его слова. И Джулиан продолжил сам:

– Мне сейчас крайне необходима еще пара тысяч.

– Ты собираешься тоже попросить их у папочки? – В ее интонации звучала чуть заметная нотка презрения.

– Мне не хватит духа. – Джулиан поник в своем кресле и отпил изрядную порцию водки с тоником. – Причем противно не столько просить, сколько почти наверняка нарваться на его отказ.

– И совершенно справедливый отказ. Боже всемогущий, да я вообще не пойму, за каким чертом ему понадобилось с самого начала финансировать твою мелкую авантюру!

Джулиан отказался клонуть на эту наживку.

– Я тоже не совсем его понимаю. – А потом, собрав волю в кулак, задал вопрос, который необходимо было задать: – Послушай, а ты сама никак не наскребешь несколько сотен?

Ее глаза злобно блеснули.

– Ах ты ж, мелкая и глупая сволочь, – сказала она. – Ты выкачал из моего отца двадцать тысяч, живешь в доме, купленном им, ешь пищу, которую покупаю я, а потом у меня же прошишь еще и денег! Да мне едва удастся свести концы с концами, но ты хочешь забрать последнее. Господи!

Она с отвращением отвернулась от него.

И Джулиан нырнул в омут с головой – терять ему было уже нечего.

– Но ведь ты могла бы что-то продать, – взмолился он. – За твою машину дадут столько, что я смогу открыть галерею без малейших затруднений. Ты же ею почти не пользуешься. Или что-то из своих ювелирных украшений, которые ты никогда не надеваешь.

– Меня тошнит от тебя. – Она снова посмотрела на него, скривив губы в жестокой ухмылке. – Ты сам не способен заработать ничего. Не умеешь писать картины, не умеешь управлять лавчонкой, продающей картины...

– Заткнись! – Джулиан вскочил на ноги с побелевшим от ярости лицом. – Прекрати немедленно! – выкрикнул он.

– А знаешь, чего ты еще не можешь? Знаешь, не так ли? – продолжала Сара, безжалостно проворачивая нож в старой ране, чтобы увидеть, как та снова начнет кровоточить. – Ты не можешь даже *трахаться*! – последние слова она тоже громко прокричала, швырнула ему в лицо, словно ударила наотмашь. Стоя перед ним, она развязала тесемку своего халата, позволив последнему покрову соскользнуть с плеч на пол. Она взяла свои полные груди в руки, лаская их пальцами и глядя при этом ему в глаза.

– Можешь сделать это для меня прямо сейчас? – спросила она уже тише. – Можешь?

От гнева и отчаяния он буквально онемел. Его обесцветившиеся губы растянулись в напряженном выражении унижения и злости.

Она же положила руку поверх своей промежности и раздвинула бедра ему навстречу.

– Попробуй же! Сделай это, Джулиан, – она подпустила соблазна в голос. – Быть может, он на меня наконец встанет?

– Сука! – наполовину прошептал, наполовину прорыдал он. – Ты сучка мерзкая, а не женщина. Сучка поганая!

Он сбежал по задней лестнице во встроенный в дом гараж. Воспоминание о ссоре обжигало изнутри нестерпимой болью. Нажал на кнопку механизма, поднимавшего ворота гаража, и сел в машину Сары. Она всегда оставляла ключ в замке зажигания.

Никогда прежде не одалживал он ее автомобиля, не желая даже просить об этом, но сейчас без колебаний занял место за рулем. Если ей это не понравится, пусть подавится своей обидой.

– Тупая корова, – произнес он вслух, минуя короткую, но крутую подъездную дорожку и сворачивая на улицу, направляясь на юг в сторону Уимблдона. Пора бы ему уже привыкнуть к подобным сварам: необходимо приобрести к ним нечто вроде иммунитета. Но с годами ставшие регулярными скандалы, казалось, ранили его все глубже и причиняли больше мучений.

И ведь ее вина была нисколько не меньше его собственной. Она получала какое-то извращенное удовольствие от его импотенции. До Сары у него случилась пара интрижек с другими девушками. Он не проявил себя с ними сексуальным гигантом, но, насколько помнил, сделал все, чего они могли от него ожидать. Проблема заключалась отчасти именно в тех достоинствах, которые изначально привлекли его в Саре: совершенство форм ее рослого тела, безукоризненность аристократических манер, состоятельность ее семьи.

Причем в ее силах было все наладить. Она знала, что ей следовало делать, и обладала всеми возможностями для этого. Немного терпения, доброты, простого, а не истерического отношения к сексуальным проблемам, и он давно бы восстановил свою потенцию. Но Сара относилась к его сложностям с презрительным равнодушием.

Вероятно, она даже предпочитала, чтобы он продолжал страдать половым бессилием. Быть может, она инстинктивно сама не желала секса, скрывая собственные недостатки. Но Джулиан отбросил эту мысль. Он сейчас пытался уйти от ответственности, свалить свою вину на нее.

Он въехал на дорожку, ведущую к огромному особняку тестя, и остановился на разровненном гравии перед портиком при входе. Дверь на звонок открыла горничная.

– Лорд Кардуэлл дома? – спросил Джулиан.

– Нет, мистер Блэк. Он в своем гольф-клубе.

– Спасибо, – Джулиан вернулся в машину и отъехал от дома. Мог бы сразу догадаться, что старый шалун отправится играть в гольф в такой погожий денек.

Он вел «Мерседес» бережно, не слишком налегая ногой на податливую педаль акселератора и сбрасывая скорость перед поворотами. Мощь автомобиля лишний раз напоминала ему о собственных слабостях.

Стоянка перед гольф-клубом оказалась почти полностью занятой. Джулиан с трудом отыскал место для парковки и зашел в основное здание клуба. В баре отца Сары он не застал.

– Вы, случайно, не видели здесь сегодня лорда Кардуэлла? – спросил он у бармена.

– Видел. Но он сейчас играет сам с собой. Должен быть где-то между седьмой и восьмой лунками.

Джулиан вышел наружу и двинулся по игровому полю. Лорда Кардуэлла он обнаружил при попытке совладать с девятой лункой.

Тесть был рослым мужчиной с сильно поредевшими седыми волосами. Сегодня он надел ветровку и свободного покроя спортивные брюки, а его почти лысую голову покрывала матерчатая кепка.

– Приятный вечер, – сказал Джулиан.

– Не правда ли? Хорошо, раз уж ты здесь, можешь стать моим подручным. – Кардуэлл загнал шар в лунку с достаточно большой дистанции, вынул его и отправился дальше.

– Как продвигаются дела с галереей? – спросил он, подготавливая первый удар на десятой лунке.

– В целом очень хорошо, – ответил Джулиан. – Новая отделка помещения почти завершена, и сейчас я вплотную занимаюсь рекламой.

Кардуэлл чуть согнул ноги в коленях, примерился к шару и нанес размашистый удар клюшкой. Джулиан рядом с ним пошел через полосу газона.

– Но проблемы, тем не менее, есть, – продолжал он. – Все стоит намного дороже, чем я ожидал.

– Понятно, – отозвался лорд Кардуэлл без особой заинтересованности в голосе.

– Чтобы сразу гарантировать высокую доходность, мне необходимо потратить пару тысяч на покупку картин. Но деньги утекают так быстро, что у меня не остается на это средств.

– Значит, придется поначалу проявить бережливость, – заявил Кардуэлл. – Тебе она пойдет только на пользу.

Джулиан про себя выругался. Он и опасался, что разговор примет именно такой оборот. Вслух же сказал:

– Вообще-то я надеялся, что вы добавите мне немного наличности. Это обеспечит сохранность ваших инвестиций в целом.

Кардуэлл обнаружил, где приземлился шар, и стоял, разглядывая его.

– Тебе нужно усвоить в бизнесе еще много уроков, Джулиан, – сказал он. – Меня считают богатым человеком, но я не могу выложить две тысячи фунтов простым мановением руки. Более того, я не смог бы позволить себе купить даже обычный костюм-тройку, если бы наличные в уплату требовались уже завтра. Но гораздо важнее для тебя самому научиться находить источники инвестиций и капитала. Ты не можешь просто так прийти к человеку и выложить: «Знаете, у меня туговато с деньжатами. Не могли бы вы мне подкинуть на бедность?» Тебе нужно объяснить, что ты затеваешь прибыльное предприятие и хотел бы привлечь его к доле-вому участию. Боюсь, что я не смогу дать тебе еще денег. Я уже поступил опрометчиво, ссудив тебя первоначальной суммой, но сделанного не воротишь.

А теперь, – продолжал он, – позволь мне дать тебе совет и подсказать, как выйти из положения. Сам я коллекционер, а не торговец произведениями искусства, но мне известно, что основной талант владельца картинной галереи состоит в том, чтобы выискивать на рынке выгодный товар. Найди картины, которые наверняка принесут прибыль, и я выделю тебе дополнительные инвестиции.

Он снова встал над шаром и приготовился нанести удар клюшкой, прищурившись для прикидки дистанции.

Джулиан с серьезным видом кивнул, изо всех сил стараясь не выдать в выражении лица своего разочарования.

Кардуэлл мощно приложился по шару, который взмыл высоко в воздух и упал на самом краю грин⁸.

– Я сам потаскаю это на себе, – сказал Кардуэлл и забрал сумку с клюшками, перебросив через плечо. – Понятно же, что ты примчался сюда не клюшки мне подавать, – его тон стал невыносимо снисходительным. – Так что катись восвояси и помни мой совет.

– Разумеется, – ответил Джулиан. – Всего хорошего.

Он повернулся и зашагал назад к стоянке.

Джулиан сидел в машине, застряв в пробке на Уандсуорт-бридж, и размышлял, как ему избежать до конца вечера новой встречи с Сарой.

На него нашло неожиданное и тем более странное ощущение свободы. Он выполнил все неприятные обязанности, которые должен был выполнить, и почувствовал облегчение, хотя не добился ровным счетом ничего. Если честно, то он и не ожидал на самом деле, что Сара или ее отец раскошелятся, но обстоятельства вынудили совершить попытку. По поводу Сары он тоже не слишком переживал. Они поссорились, и он без спроса взял ее машину. Она будет вне себя от злости, но с этим уже ничего не поделаешь.

Он нащупал в кармане свой ежедневник, чтобы посмотреть, куда смог бы сейчас податься. Но под руку попался какой-то листок, и он сначала извлек его.

Транспортный поток сдвинулся с мертвой точки, и Джулиан вынужден был тоже привести машину в движение. Попытался прочитать написанное на листке, не останавливаясь. На нем значилось имя Саманты Уинакр вместе с адресом в Ислингтоне.

Он вспомнил: Саманта – актриса и знакомая Сары. Джулиан встречался с ней всего пару раз. Позавчера она мимоходом заглянула в будущую галерею и поинтересовалась, что он собирается выставить на продажу. Ему живо нарисовалась эта сцена: как раз в тот же момент бедняга Питер Ашер, старый приятель, тоже пришел в галерею.

Он обнаружил, что едет на север и уже миновал поворот в сторону дома. Было бы приятно нанести ей визит. Она красива, умна и талантлива как актриса.

Хотя, наверное, идея не самая лучшая. Ее, должно быть, постоянно окружают поклонники, или она каждый вечер участвует в приемах, столь частых в мире шоу-бизнеса.

⁸ Грин – *англ.* green – на поле для гольфа лужайка с особо тщательно постриженной травой, окружающая каждую лунку.

С другой стороны, она не произвела на него впечатления легкомысленной, жадной до развлечений женщины. Но так или иначе, нельзя явиться без благовидного предлога. Джулиан попытался его придумать.

Он проехал по Парк-лейн, миновал «уголок ораторов» Гайд-парка и поднялся по Эджвер-роуд, свернув в итоге на Мэрилебон-роуд. Там он даже слегка прибавил скорость, уже с нетерпением ожидая, чем закончится сумасбродная попытка свалиться как снег на голову звезде кино. Мэрилебон-роуд перешла в Юстон-роуд, а на перекрестке с Энджел-стрит он свернул налево.

Через пару минут показался нужный дом. Он выглядел ничем не примечательным: изнутри не доносилось ни громкой музыки, ни взрывов смеха, ни мерцания света. Джулиан решил испытать удачу.

Припарковал машину и постучал в дверь. Открыла сама Саманта, ее волосы были обернуты полотенцем.

– Привет! – сказала она вполне довольным тоном, даже отчасти обрадованным.

– Наш разговор позавчера прервали совершенно внезапно, – сказал Джулиан. – Я как раз проезжал мимо и подумал, не пригласить ли вас выпить со мной.

Она широко улыбнулась.

– Как же вы восхитительно спонтанны и импульсивны! – сказала со смехом. – А я-то пыталась найти способ избежать вечера перед экраном телевизора. Заходите.

Глава пятая

Туфли Аниты бодро стучали по тротуару, когда она спешила к дому Саманты Уинакр. Солнце пригревало. Было уже половина десятого утра. Если повезет, Сэмми все еще окажется в постели. Предполагалось, что рабочий день Аниты начинался в девять, но она частенько опаздывала, а Сэмми едва ли замечала это.

По пути она выкурила короткую сигаретку, глубоко затягиваясь, наслаждаясь одновременно и вкусом табака, и свежим утренним воздухом. Она успела спозаранку вымыть свои длинные светлые волосы, отнести матери в постель чашку чая, покормить нового братика из бутылочки с молочной смесью и отправить остальных детишек в школу. Причем даже не устала, потому что ей пока едва исполнилось восемнадцать. Но вот только уже через десять лет она будет выглядеть на все сорок.

Новорожденный стал для ее матери шестым ребенком, не считая еще одного, рано умершего, и нескольких выкидышей. Неужели папаша не знаком с понятием «контроль над рождаемостью»? – задавалась вопросом Анита. Или ему просто на все уже наплевать? «Будь он моим мужем, уж я бы сумела его вразумить».

Гари знал о мерах предосторожности очень много, но Анита все равно не давала ему воли. До поры. Сэмми считала, что она старомодна, коль заставляет парня ждать. Быть может, и старомодна, вот только она поняла: это дело далеко не так приятно, если двое не влюблены друг в друга по-настоящему. А Сэмми городила много другой чепухи тоже.

Сэмми жила в доме с цокольным этажом. В старом, но вполне добротном и уютном доме. Многие состоятельные люди к этому времени отреставрировали старые дома в этой части Ислингтона, и квартал становился вполне фешенебельным. Анита вошла через парадную дверь и тихо закрыла ее за собой.

Бегло посмотрелась в зеркало, висевшее в прихожей. Сегодня у нее не хватило времени накраситься, но ее круглое розовое лицо неплохо выглядело и без слоя косметики. Она вообще не злоупотребляла макияжем, если только не отправлялась в Вест-Энд субботними вечерами.

В зеркальном стекле проглядывала гравировка с рекламой эля, как в любом пабе на Пен-товилл-роуд. Это мешало рассмотреть в нем свое лицо целиком, но Сэмми заявляла, что это арт-деко. Еще одно ее чудачество и бессмыслица.

Для начала Анита заглянула в кухню. На стойке для завтрака стояли грязные тарелки, несколько бутылок валялось на полу, но только и всего. Вчера здесь не закатили вечеринку, слава тебе господи!

Она скинула уличные туфли и обулась в легкие мокасины, принесенные с собой в целлофановом пакете. Потом спустилась в цокольный этаж.

Его целиком занимала просторная гостиная с низким потолком. Это была любимая комната Аниты. Узкие оконца, расположенные высоко в стенах передней и задней ее части, пропускали не слишком много естественного света, но зато подлинную иллюминацию создавали яркие лампы, направленные на плакаты, на небольшие абстрактные скульптуры и на вазы с цветами. Россыпь дорогих ковриков покрывала почти весь паркетный пол, а мебель была приобретена в одном из магазинной сети «Хабитат».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.